

Проф. О. В. Тараховскій.

ОБЗОРЪ АКТОВЪ

Угличской Провинціальной Канцеляріи

1719—1726 г.г.

Часть первая.

112963.



Предлагаемый обзоръ составляетъ введене къ I-му тому Актовъ Угличской Провинціальной Канцеляріи (1719-1726 гг.), вышедшему въ Трудахъ Ярославской ученой архивной комиссіи (кн. V). Автору казалось, что обзоръ этотъ, несмотря на свое спеціальное назначеніе, можетъ представить нѣкоторый самостоятельный интересъ для читателей. Вслѣдствіе этого авторъ рѣшился выпустить его отдѣльнымъ изданіемъ.

Указныя книги и дѣла Угличской провинціальной канцеляріи, хранящіяся въ Ярославской ученой архивной комиссіи, доходятъ вплоть до учрежденія о губерніяхъ императрицы Екатерины II. Изъ этого обильнаго матеріала отобраны для настоящаго изданія важнѣйшіе акты 1719—1726 годовъ, составляющихъ особую, хотя и небольшую, но вполне законченную эпоху самостоятельнаго существованія провинціальныхъ учреждений, установленныхъ Петромъ Великимъ. Устройство и административная дѣятельность Петровской провинціи достаточно выяснены въ специальномъ изслѣдованіи М. М. Богословскаго¹⁾ по актамъ, сосредоточеннымъ въ центральныхъ архивахъ. Настоящее изданіе преслѣдуетъ двоякую цѣль: во-первыхъ, оно имѣетъ въ виду дать матеріалъ для освѣщенія конкретной обстановки дѣятельности углическихъ провинціальныхъ властей и жизни мѣстнаго общества, поскольку послѣдняя отражалась въ актахъ канцелярскаго производства; во-вторыхъ, оно старается доставить данныя для опредѣленія участія Углической провинціи въ томъ напряженномъ служеніи государству, къ которому столь энергично привлекалась при Петрѣ Великомъ вся страна.

Издаваемый матеріалъ раздѣленъ по содержанію на шестнадцать отдѣловъ. Въ I отдѣлѣ помѣщены акты о личномъ составѣ провинціальныхъ учреждений; во II-омъ—акты объ отвѣственности и отчетности должностныхъ лицъ; въ III-емъ—акты о неисполненіи указовъ на мѣстѣ; въ IV-омъ—образцы формъ дѣлопроизводства; въ V-омъ—образцы формъ судопроизводства; въ VI-омъ—акты, относящіеся къ финансовому управленію; въ VII-мъ—акты о расквартированіи войскъ и связанныхъ съ нимъ повинностяхъ мѣстнаго населенія; въ VIII-омъ—акты о казен-

¹⁾ М. М. Богословскій, Областная реформа Петра Великаго; провинція 1719—1727 гг., Москва, 1902 г.

ныхъ подрядахъ и поставкахъ; въ IX-омъ—чрезвычайныя и особыя порученія провинціальному управленію; въ X-омъ—акты о школьномъ дѣлѣ; въ XI-омъ—акты о шляхетствѣ и о служилыхъ людяхъ; въ XII-омъ—акты о крестьянахъ; въ XIII-омъ—акты, относящіеся къ гражданскому праву; въ XIV-омъ—акты, служащіе къ бытовой и хозяйственной характеристикѣ мѣстной жизни; въ XV-омъ—явочныя челобитныя; въ XVI-омъ—отдѣльные акты, не имѣющіе мѣстнаго значенія, но издаваемые въ виду ихъ неизвѣстности.

Въ настоящемъ I томѣ помѣщены первые восемь отдѣловъ; остальные войдутъ во II томъ, который уже совершенно готовъ къ печати и выйдетъ въ скоромъ времени.

Какъ уже указано, изданіе обнимаетъ періодъ съ 1719 по 1726 годъ включительно. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что нѣкоторые изъ изданныхъ актовъ захватываютъ 1727 и даже 1728 гг. Это не нарушаетъ однако цѣльности избранной эпохи, такъ какъ болѣе поздніе акты содержатъ въ себѣ только продолженіе ранѣе начатыхъ дѣлъ или же относятся къ такимъ сторонамъ мѣстной жизни, которыя не зависятъ отъ измѣненія въ строѣ административныхъ учреждений.

Приведенная въ концѣ текста каждого изъ актовъ архивная сигнатура даетъ указаніе на очередной номеръ и листы книгъ, получившихъ особую нумерацію при предварительномъ составленіи описей актовъ Угличской провинціальной канцеляріи¹⁾.

Сообщивъ общія свѣдѣнія обо всемъ изданіи, переходимъ къ обзору содержанія актовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены акты, характеризующіе разныя стороны пополненія мѣстныхъ учреждений личнымъ составомъ, а также прохожденія въ нихъ службы.

Среди назначеній помѣщены прежде всего назначенія въ высшія мѣстныя инстанціи, именно, секретаря (№ 1) и вице-президентовъ (№№ 2 и 3) Ярославскаго надворнаго суда и ярославскаго почтмейстера (№ 4). Какъ видно изъ приведенныхъ актовъ, о назначеніяхъ и измѣненіяхъ въ личномъ составѣ высшихъ мѣстныхъ инстанцій увѣдомляли воеводу и прочія низшія инстанціи, напр., нижняго суда судью въ Угличѣ (см. № 1).

¹⁾ Описи составлялись по заранѣе выработанному общему плану членами комиссіи И. Г. Васильевскимъ и В. Н. Лилеевымъ, студентами Демидовскаго Юридическаго Лицея: В. Е. Балпуровымъ, А. А. Воскресенскимъ, Д. И. Сухопрудскимъ, и студ. Московск. унив. Н. В. Лилеевымъ. Вся работа по описанію, списыванію и повѣрочной считкѣ актовъ производилась подъ ближайшимъ наблюденіемъ члена комиссіи Н. А. Тихомірова.

Эти увѣдомленія облекались въ указы, многословные и велерѣчивые по обычаю того времени, такъ что въ нихъ не только сообщался самый фактъ новаго назначенія, но иногда передавалась и вся исторія замѣщенія вакантной должности. Въ этомъ отношеніи довольно характеренъ указъ изъ Ярославскаго надворнаго суда въ Угличъ нижняго суда судѣй господину Вельяшеву отъ 19 янв. 1722 г. (№ 1). Въ 1721 г. Ярославскій надворный судѣй доносилъ въ юстицъ-коллегію, что у него не опредѣленъ секретарь, и судѣй приказалъ отправлять секретарскія дѣла впредь до указа своему же подъячему Ивану Троенимову; находя, очевидно, такое временное исправленіе должности секретаря неудобнымъ, судѣй просилъ юстицъ-коллегію назначить ему секретаря или же утвердить секретаремъ названнаго Ивана Троенимова. Можно предполагать, что послѣднее предложеніе наиболѣе соответствовало желанію суда и, по всей вѣроятности, наиболѣе соответствовало пользѣ дѣла въ виду очевидной спеціальной служебной подготовленности кандидата. Этому предложенію не суждено было однако осуществиться. Оказалось, что упомянутому Ивану Троенимову „по Его Императорскаго Величества именному указу велѣно быть у дѣлъ въ Правительствующемъ духовномъ Синодѣ и о высылкѣ его изъ Сената указъ посланъ“; а на мѣсто секретаря Ярославскаго надворнаго суда назначенъ былъ Яковъ Ключаревъ, канцеляристъ военнаго комиссаріата. Замѣщеніе должности секретаря надворнаго суда произведено было сенатомъ, который, очевидно, руководился не спеціальными интересами мѣстнаго учрежденія, а общими соображеніями центральнаго правительства, легко переводившаго людей изъ одного рода службы въ другой, ничего общаго съ нимъ не имѣвшій.

Ярославскій почтмейстеръ В. И. Дедюлинъ извѣщать угличскаго воеводу о своемъ назначеніи не указомъ, а простымъ отношеніемъ въ канцелярію провинціи. Въ этомъ отношеніи онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на малое число ямщиковъ въ Угличѣ (въ 1722 г.) и на требованіе особыхъ „письменныхъ знаковъ“, удостоверяющихъ правильное назначеніе прогоновъ.

Назначенія и увольненія въ составѣ должностныхъ лицъ провинціальнаго управленія и провинціальной канцеляріи (№№ 5—12) идутъ изъ центра. Ассессоры при воеводѣ назначаются сенатомъ (№ 6) или юстицъ-коллегіей (№ 11); сенатъ назначаетъ секретаря провинціи (№ 7), подъячихъ назначаетъ камеръ-коллегія (№ 5) и даже солдаты „для карауловъ и россылокъ“ назначаются въ провинцію юстицъ-коллегіей изъ отставныхъ, присланныхъ военной коллегіей (№ 12). Увольненіе въ отставку

еще болѣе централизовано и всецѣло сосредоточено въ сенатѣ: указомъ изъ сената отставляется отъ дѣлъ ассессоръ Олсуфьевъ „за извѣстные ево раны и увѣчья“ (№ 10); такимъ же указомъ „за старостію отпущенъ въ домъ свой“ подъячій Ѳеодоръ Звѣревъ „по размѣткамъ герольдъ-мейстера“ (№ 8; срвн. № 9). Опека центральныхъ учреждений надъ мѣстными простирается столь далеко, что даже подъячій, находящійся уже въ провинціи, переводится на мѣстѣ отъ „камерирскихъ дѣлъ“ къ воеводѣ¹⁾ не иначе, какъ по указу изъ камеръ-коллегии, которая ставитъ на видъ камериру, что онъ „какъ приказными, такъ и другими чинами удовольствованъ ли, въ Каморъ-Коллегію не писалъ“ (№ 5).

По указамъ, содержащимъ въ себѣ данныя о штатахъ (№№ 13—14), составъ углической провинціальной администраціи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Воеводское правленіе состоитъ изъ воеводы, двухъ ассессоровъ и секретаря (по даннымъ 1726 г.,—№ 14). Во главѣ Камерирскаго правленія стоитъ камериръ и на мѣстахъ—комиссары земскіе²⁾ и подчиненные³⁾ (№ 13, стрн. 10). Наконецъ, третьимъ учрежденіемъ провинціальной администраціи является „рентерей“⁴⁾, или „рентерія“ (№ 13, стрн. 11). Каждое изъ этихъ учреждений имѣетъ свою особую канцелярію, рабочую силу которой составляютъ подъячіе. По штату полагалось въ Углической провинціи 41 человекъ подъячихъ, опредѣляемыхъ герольдмейстерской канцеляріей. По свѣдѣніямъ 1725 г. (№ 13) значительная часть этихъ подъячихъ были откомандированы „къ Генералитету въ канцелярію расположенія полковъ“, такъ что въ распоряженіи углической администраціи оставалось 23 человекъ подъячихъ; изъ нихъ 10 человекъ находились въ канцеляріи воеводскаго правленія, 6 человекъ въ конторѣ камерирскаго правленія, 2 въ „рентеріи“ и 5 у земскихъ комиссаровъ въ доляхъ. Среди подъячихъ канцеляріи воеводскаго правленія различались: канцеляристы, два подканцеляриста и семь молодыхъ подъячихъ, или „копейцовъ“ (№ 13, стрн. 11 и № 14); канцеляристы, подканцеляристы и кописты являются, повидимому, особыми названіями болѣе распространеннаго дѣленія подъячихъ на старыхъ, средней статьи и

молодыхъ (см. №№ 17 и 33)¹⁾. Къ „служителямъ при канцеляріи“ относились еще отставные солдаты, бывшіе для посылокъ въ канцеляріи (воеводскаго правленія) и въ конторѣ (камерирскаго правленія), а также на караулахъ въ рентереѣ у казны и у тюремъ. Ихъ полагалось въ Угличѣ по штату 52 человекъ, но на самомъ дѣлѣ, по свѣдѣніямъ 1725 г., ихъ было больше, такъ какъ особыми указами были прикомандированы сверхъ штата еще сержантъ, три урядника и четыре солдата. Провинціальная администрація была связана штатами служителей, и для перевода ихъ отъ одного дѣла къ другому требовалось разрѣшеніе центральныхъ властей. Такъ, только по особому указу С.-Петербургской канцеляріи ревизіи воевода могъ дать счетчика въ рентерею изъ своихъ штатныхъ солдатъ или подъячихъ (№ 15).

Интересны указы, излагающіе исторію вступленія въ должность нижняго суда судьи въ Бѣжецкомъ Верхѣ (№№ 16—19). Непосредственно по введеніи новаго судоустройства въ іюль 1719 г. назначенъ былъ въ Бѣжецкій Верхъ нижняго суда судьей царедворецъ Василій Никитичъ Таракановъ, который однако не являлся къ мѣсту своего служенія въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Въ виду его отсутствія судныя и розыскныя дѣла въ Бѣжецкомъ Верхѣ вѣдался комиссаромъ В. Заборовскимъ (см. № 18), и такимъ образомъ установленное реформой отдѣленіе суда отъ администраціи не осуществлялось. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1721 г. назначенъ былъ въ Бѣжецкій Верхъ новый судья Ѳеодоръ Михайловичъ Бѣшенцовъ, которому повелѣно было вступить въ должность даже въ томъ случаѣ, если бы явился упомянутый выше Таракановъ. Въ указѣ о назначеніи Бѣшенцова (№ 16) опредѣлена его судебская компетенція подлинными словами общаго наказа²⁾, и въ духѣ отдѣленія суда отъ администраціи, приказано ему „въ губернскіе ни въ какіе поборы и расходы не вступать“. По прибытіи въ Бѣжецкій Верхъ Бѣшенцовъ долженъ былъ принять дѣла, подъячихъ, служителей и колодниковъ „у прежняго управителя“, т. е. у комиссара Заборовскаго. Получивъ указъ о назначеніи Бѣшенцова, воевода Бутурлинъ принялъ мѣры къ сдачѣ ему должности. Прежде всего были наведены справки о количествѣ канцелярскихъ силъ въ Бѣжецкомъ Верхѣ. Найденъ былъ „росписной списокъ“, поданный за рукою ландрата Петра Лобкова (№ 17), изъ котораго оказалось, что въ Бѣжецкой

¹⁾ О различіи камерирскихъ дѣлъ (конторы камерирскаго правленія) и дѣлъ воеводы (канцеляріи провинціи) см. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 132.

²⁾ См. тамъ же, стрн. 140 и сл.

³⁾ См. тамъ же, стрн. 148.

⁴⁾ См. тамъ же, стрн. 139.

¹⁾ См. *П. Н. Мрачекъ-Дроздовскій*, Областное управленіе Россіи XVIII вѣка, часть I, Москва, 1876 г., стрн. 84.

²⁾ Выдержки изъ наказа см. у *М. М. Богословскаго*, назв. сочин., стрн. 205; и стрн. 211 прим. 1-е.

канцеляріи числится 15 подъячихъ (1 старшій, 1 средней статьи, остальные—молодые), 6 драгунъ и 25 разсыльщиковъ, но большинство изъ нихъ откомандированы въ разныя мѣста¹⁾, и на лицо состоятъ при канцеляріи всего 3 человекъ молодыхъ подъячихъ, 5 драгунъ и 9 разсыльщиковъ. На основаніи указанной справки воевода приказалъ комиссару Заборовскому отдать Бѣшенцову двухъ подъячихъ и наличныхъ разсыльщиковъ, а также передать ему соотвѣтственные указы и дѣла (№ 17, стр. 16). Особымъ указомъ изъ юстицъ-коллегіи отъ 1 іюня 1721 г. (№ 19) разрѣшено было Бѣшенцову брать на „приказной (т. е. канцелярскій) расходъ изъ неокладныхъ пошлинныхъ сборовъ... по исцовымъ дѣламъ“... Казалось бы, все было уже обезпечено для открытія новаго нижняго суда въ Бѣжецкомъ Верхѣ, но на самомъ дѣлѣ обнаружилось еще одно препятствіе: у судьи не было помѣщенія ни для канцеляріи, ни для колодниковъ, ни для него самого. И вотъ опять приходится Бѣшенцову доносить въ юстицъ-коллегію, что „особливаго де судейскаго двора въ Бѣжецку нѣтъ“ и просить „чтобъ о опредѣленіи канцеляріи или съѣзжего тако жъ и постоялаго дворовъ указъ учинить“. 23 іюня 1721 г. послѣдовалъ изъ юстицъ-коллегіи указъ воеводѣ, въ которомъ „велѣно для отправления дѣлъ канцелярію и содержанія колодниковъ тюремной, и ему судѣ постоялой двору отвести“ (№ 18)²⁾. Наконецъ, 31 августа 1721 г. воевода послалъ комиссару Заборовскому приказъ объ отводѣ постоялаго двора судѣ Бѣшенцову (№ 18, стр. 17). Такимъ образомъ нижній судъ въ Бѣжецкомъ Верхѣ могъ начать болѣе или менѣе правильно функціонировать только въ сентябрѣ 1721 г., а въ указахъ отъ 12 марта и 4 апрѣля 1722 г. послѣдовала уже общая отмѣна нижнихъ судовъ³⁾.

Назначенія въ низшія подчиненныя воеводѣ мѣста производятся центральными учрежденіями. Такъ, указомъ изъ юстицъ-коллегіи назначенъ въ городъ Кашинъ для карауловъ и посылокъ сержантъ Леонтій Долгополовъ (№ 20) и указомъ изъ камеръ-коллегіи назначенъ въ подчиненные комиссары царедворецъ Афанасій Шубинской (№ 21).

Акты №№ 23—29 знакомятъ насъ съ выборными должностями Углической провинціи. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе

¹⁾ Раскомандированіе подъячихъ и недостатокъ ихъ на мѣстахъ составляли обычное и давнее явленіе, см. *П. Н. Мрачекъ-Дроздовскій*, назв. сочин., стр. 86.

²⁾ Нѣчто подобное съ отводомъ судейскаго двора имѣло мѣсто и въ самомъ Угличѣ. См. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 233—234.

³⁾ См. тамъ же, стр. 235—236. О судьбѣ Бѣшенцова въ связи съ отмѣной нижняго суда см. № 57.

копія съ выбора въ Бѣжецкѣ посадскими людьми бурмистровъ и цѣловальниковъ въ С.-Петербургъ на 1720 годъ (№ 24). Изъ письма генерала Волкова воеводѣ отъ 22 іюля 1723 г. (№ 25) мы узнаемъ, что отъ шляхетства Угличской провинціи выбирается къ сбору окладныхъ подушныхъ денегъ въ земскіе комиссары угличскій помѣщикъ князь Барятинскій¹⁾; генералъ проситъ воеводу: „оного Борятинскаго безъ указа отъ насъ пикуды высылать не извольте“, въ чемъ слышится отзывъ подчиненія выборнаго отъ земли комиссара военнымъ властямъ²⁾. Институтъ выборныхъ комиссаровъ порождаетъ новую служебную повинность для дворянъ, вслѣдствіе чего самые выборы производились крайне туго, такъ что въ сентябрѣ 1723 г. послѣдовалъ изъ камеръ-коллегіи повторный указъ угличскому воеводѣ, попукающій къ выборамъ подъ обычной въ то время угрозой оштрафованія воеводы (№ 26). Выборныя отъ посадскихъ людей низшія финансовыя должности замѣщались иногда по назначенію. Такъ, въ 1723 году былъ назначенъ въ Угличскую провинцію бурмистромъ у таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ комиссаръ Бѣлозерской провинціи Филиппъ Рогожинъ (№ 23); на тотъ же 1723 годъ были назначены въ Кашинъ вмѣсто бурмистра прапорщикъ Василій Тиличѣвъ и за ларечнаго вахмистръ Афанасій Бѣшенцовъ (№ 27)³⁾; въ 1725 и 1726 гг. были назначены нѣсколько офицеровъ и солдатъ въ разные города Углической провинціи къ соляной продажѣ (№ 29).

Центральное правительство не довольствовалось дѣятельностью постоянныхъ органовъ провинціальной администраціи и широко пользовалось командированіемъ изъ центра особыхъ лицъ со специальными порученіями, болѣею частью финансового характера. Подъ № 30-мъ въ качествѣ образчика приведено „вѣдѣніе конторы земскихъ дѣлъ“ (1722 г.) о выдачѣ прогоновъ офицеру Алексѣю Татарипову, присланному изъ камеръ-коллегіи для пріема „въ городовую канцелярію положенныхъ денегъ“.

Правительство заботилось о соблюденіи правѣннаго ценза для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, хотя бы въ столь скромныхъ размѣрахъ, чтобы на государственную службу

¹⁾ О выборныхъ отъ земли комиссарахъ *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 404 слѣд. Избраніе кн. Барятинскаго, очевидно, не состоялось, такъ какъ онъ не значится въ „реестрѣ земскомъ комиссаромъ, которые выбраны для сбора подушныхъ денегъ къ будущему 724 году“, см. *тамъ же*, приложения, стр. 41.

²⁾ См. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 393.

³⁾ О командированіи въ 1723 г. офицеровъ вмѣсто выборныхъ сборщиковъ см. № 48, стр. 51.

не принимались лица, подвергшіеся уголовному наказанію. Но и это требованіе не соблюдалось. Въ указѣ изъ камеръ-коллегіи отъ 4 апр. 1722 г. (№ 31) читаемъ: „Его де Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что выбираютъ такихъ къ дѣламъ, которые были въ публичномъ наказаніи;“ и камеръ-коллегія требуетъ отъ воеводы „въ Углицкой провинціи справитца всѣхъ чиновъ, которые въ вѣдомствѣ въ камеръ-коллегіи, ежели кто въ какомъ наказаніи былъ, и оныя въ которыхъ годѣхъ и по какому указу къ дѣламъ опредѣлены“. Къ сожалѣнію, въ разобранныхъ актахъ не оказалось отвѣта воеводы, но и самая возможность такихъ „публично наказанныхъ“ должностныхъ лицъ достаточно краснорѣчива. Впрочемъ подобная неразборчивость въ лицахъ при опредѣленіи на государственную службу находить себѣ объясненіе въ томъ общемъ недостаткѣ людей для гражданской службы, отъ котораго немало страдало правительство Петра Великаго. Рядъ актовъ (№ 32—38) дастъ намъ отраженіе этого недостатка въ жизни Углической провинціи.

Административныя реформы Петра Великаго вызвали усиленный спросъ на гражданскую службу, между тѣмъ служба эта была нелегкая, и поэтому отъ нея всячески уклонялись. Особенно неприглядной представлялась служба въ мелкихъ провинціальныхъ должностяхъ. Поэтому при назначеніи того или другого лица въ провинцію съ него обыкновенно брали подписку „подъ лишеніемъ чести и движимаго и недвижимаго имѣнія“ въ томъ, что „ему ѣхать изъ Москвы (или изъ Петербурга) по подпискѣ того жъ числа и явитца въ той провинціи воеводѣ и камериру, а конечно ему тамъ стать по указу на поверстной срокъ“. Но, не взирая на подобныя подписки и связанное съ ихъ нарушеніемъ наказаніе, назначенныя лица не являлись къ мѣстамъ своего служенія и скрывались. Такъ, мы уже знаемъ изъ предыдущаго, что первый нижняго суда судья Бѣжецкаго Верха не являлся къ должности въ теченіе почти двухъ лѣтъ, пока наконецъ должность его не была замѣщена другимъ лицомъ. Указъ изъ камеръ-коллегіи отъ 9 окт. 1722 г. (№ 32) сообщаетъ, что опредѣленный въ іюлѣ 1722 г. въ Юрьевскую провинцію въ подчиненные комиссары Козьма Кошкадамовъ не явился къ мѣсту своего служенія, и предписываетъ „оного комиссара выслать въ Юрьевскую провинцію въ самой скорости подъ опасеніемъ за невысылку немалого штрафа, а ежели онъ въ скорости въ той провинціи не явитца, и за то помѣстье ево и вотчины отписаны будутъ на Его Императорское Величество бесповоротно“. И подобные случаи неявки и вызвал-

ные ими грозные указы попадаютъ десятками въ актахъ провинціальной канцеляріи. Особенно сильный недостатокъ ощущался въ подъячихъ. Можно сказать, что мѣстныя учрежденія никогда не имѣли у себя полного количества подъячихъ, положенныхъ имъ по штату, такъ какъ значительная часть ихъ откомандировывалась въ другія мѣста. Это уже отмѣчено нами выше въ обзорѣ реестра служителей при канцеляріи Углической провинціи 1725 г. и расписного списка Бѣжецкой канцеляріи 1721 г.¹⁾ Высшія учрежденія непрестанно требуютъ отъ низшихъ присылки подъячихъ для разныхъ надобностей. По указу изъ юстицъ-коллегіи отъ 10 дек. 1722 г. „велѣно ко исправленію надлежащихъ дѣлъ въ (Ярославскій) надворной судъ взять подъячихъ изъ подчиненныхъ правинцей по пропорции, а именно—изъ провинции старыхъ по одному, средней статьи по одному, молодыхъ по одному, итого по три человека“. Но у воеводъ у самихъ не хватало надежныхъ канцелярскихъ рабочихъ рукъ и потому они на подобныя требованія отмахивались. Поэтому изъ Ярославскаго надворнаго суда отправляютъ 8 февр. 1723 г. новый указъ, въ которомъ грозно пишутъ воеводѣ: „по... указу ты подъячихъ не присылывалъ и ни о чемъ не отвѣтствовалъ, за что надлежишь указного отвѣтствованія и подлежащаго штрафа, понеже въ надворномъ судѣ за неприсылкою отъ тебя подъячихъ во исправленіи дѣлъ учинилася всеконечная остановка. Того ради... велѣно для взятія подъячихъ послать нарочныхъ по наказу, а къ тебѣ объ отдачѣ вторично съ подтвержденіемъ послушной указъ, чего ради въ Углицкую правинцию посланъ по наказу сержантъ Дмитрей Колтовской, которому велѣно, подъячихъ, взявъ, привести въ Ярославль въ скорости“ (№ 33). Командируется въ концѣ 1722 г. въ Угличъ прапорщикъ князь Григорій Вяземскій для правяжа денегъ за донмочныхъ рекрутъ и для сыска бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ и требуетъ отъ воеводы подъячихъ. Воевода отказывается на томъ основаніи, что ему дать некого. „По тому“, пишетъ воевода, „въ томъ же 722 году, окт. 12 дня, по Е. И. В. указу и по ордеру генерала-маѳора и гвардіи-маѳора господина Волкова Невскаго полку полковникъ господинъ Борзово Углицкой правинціи подъячихъ отъ всякихъ дѣлъ и зборовъ побралъ... къ себѣ въ канцелярію, и выбралъ изъ нихъ

¹⁾ См. также жалобу воеводы на малолѣтство канцеляріи въ доношеніи Ярославскому надворному суду отъ 19 авг. 1724 г. (№ 46, стрн. 46—47) и въ доношеніи въ штатсъ-кантору отъ 27 дек. 1725 г. (№ 48 стрн. 53).

половину лутчихъ и выслать въ Москву къ разбору, а другой половины отобрать лутчихъ же половину, оставить у себя въ канцеляріи, а... въ правинцию прислать... остальныхъ старыхъ и негодныхъ, изъ которыхъ явилось отъ дѣлъ воевоцкаго правленія старой да средней да молодыхъ шесть человѣкъ, которые не токмо дѣла отправлять, но и писать худо умѣютъ и изъ тѣхъ де по послушному указу изъ сената одинъ человѣкъ отданъ... вальтмейстеру маэору Чаплину“. Картина получалась достаточно яркая; поэтому канцелярія рекрутскаго счета отправила воеводѣ 25 іюля 1723 г. весьма мягкій указъ, (№ 35) въ которомъ скорѣе просила, чѣмъ наказывала, чтобы онъ „хотя изъ молодыхъ подъячихъ до времени къ означенному посланному прапорщику князю Вяземскому отправить, чтобъ у того посланного въ положенныхъ на него дѣлахъ не было остановки“. Въ 1726 году намѣчены были мѣры „для лутчаго содержанія вотчинныхъ дѣлъ въ Государственномъ архивѣ въ добромъ храненіи и порядкѣ“. Рѣшено было „всѣ столны, имѣющіяся въ вотчинной коллегіи переписать въ тетради, всѣ въ одну мѣрную кераксу по 25 строкъ на страницѣ и переплести оныя въ дестевые книги“. Переписчиковъ рѣшено было взять изъ мѣстныхъ учреждений: „изъ губерней и изъ большихъ правинцей по одному канцеляристу, и изъ протчихъ по одному копенету, писцовъ добрыхъ, и быть имъ въ С.-Петербургѣ погодно съ перемѣною, а вмѣсто жалованья давать имъ за ту переписку отъ каждой исправной тетради по 10 коп.“ Съ Углицкой провинціи потребовали одного кописта, о чемъ и посланъ былъ 13 іюля 1726 г. изъ герольдмейстерской конторы указъ воеводѣ (№ 37). Воевода не исполнилъ указа, ссылаясь на малолѣтство своей канцеляріи, вызванное тѣмъ, что нѣкоторые изъ подъячихъ самовольно съѣхали въ дома свои, другіе по высылкѣ въ герольдмейстерскую контору не явились обратно. Этими доводами не убѣдились, и 26 окт. 1726 г. послѣдовалъ повторный указъ воеводѣ (№ 38)—выслать кописта немедленно „не отписываясь впродъ“. Недостатокъ подъячихъ приводилъ къ тому, что обратно зачисляли на службу отставленныхъ. Указъ изъ герольдмейстерской конторы отъ 10 мая 1726 г. (№ 36) приказываетъ сыскать канцеляриста Афанасія Черемисинова, отпущеннаго за старостью въ домъ до указа и вновь призываемаго въ вотчинную коллегію. Черемисиновъ былъ испомѣщенъ между прочимъ и въ Угличскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе чего комиссаръ Угличскаго уѣзда сыскивалъ его, но по сыску его въ Угличскомъ уѣздѣ не оказалось.

По примѣру другихъ должностныхъ лицъ подъячіе уклонялись отъ службы и не являлись къ мѣсту служенія; сообразно ихъ низкому служебному положенію о нихъ говорили, что они бѣгали, и принимали болѣе рѣшительныя мѣры къ ихъ водворенію. Указъ изъ бергъ-коллегіи отъ 4 апр. 1723 г. (№ 34) оповѣщаетъ о бѣжавшихъ изъ этой коллегіи подъячихъ и предписываетъ „ихъ сыскивать, и, сыскавъ, выслать въ Санктпетербургъ въ бергъ-коллегію, сковавъ за карауломъ на ихъ коштѣ, а ежели онѣ будутъ несысканы, женъ ихъ и дѣтей держать за карауломъ, покажутъ онѣ явятца въ бергъ-коллегію“.

При вступленіи въ должность, даже во временное ея исправленіе приносили присягу. Указъ воеводы протопопу угличской соборной церкви отъ 30 марта 1722 г. (№ 39) предписываетъ привести къ присягѣ „по чиновной книгѣ“ двухъ подъячихъ, которые должны были замѣщать комиссаровъ въ виду ихъ отъѣзда на смотръ въ Москву. При временномъ замѣщеніи должностей указы адресовались на собственное имя замѣстителя, напр. „въ небытность камисара Алексѣя Полунина подъячему Василию Быкову“ (№ 42). При смѣнѣ лицъ предшественникъ сдавалъ должность своему преемнику; это правило соблюдалось строго, какъ можно судить по интересному случаю требованія такой сдачи, имѣвшему мѣсто въ Ярославскомъ надворномъ судѣ въ 1725 г. Регистраторъ этого суда М. Ф. Жильцовъ попался въ воровствѣ и разбоѣ и бѣжалъ. На его мѣсто былъ назначенъ актуаріусъ того же суда М. Черноусовъ, который заявилъ, что Жильцовъ бѣжалъ, не сдавъ должности, и потому онъ Черноусовъ „безъ принятія по повѣтью ево дѣла и книгъ, и протчаго по описи повѣтѣ ево и въ правленіи его должности вступить опасенъ“. Надворный судъ внялъ предствленію Черноусова и послалъ въ подчиненныя провинціи указъ (№ 40) о сыскѣ Жильцова. Для характеристики канцелярскаго стиля не безынтересно описаніе въ указѣ примѣтъ сыскиваемаго; „а оной регистраторъ Максимъ Жильцовъ въ примѣты: ростомъ высокъ, тонковать, лицомъ смугль, сухощавъ, скуловать, волосы русы кудреваты, глаза каріе“.

Пользованіе должностныхъ лицъ отпускомъ было затруднено. Это видно изъ интересной переписки объ отпускѣ бѣжецкаго комиссара Семена Ергольскаго въ 1724 году (№ 41). Указомъ изъ конторы сенатскаго правленія Ергольскому данъ былъ отпускъ въ деревни для устройства его личныхъ дѣлъ по полученію наслѣдства. Получивъ сенатскій указъ, воевода встрѣтить пренятствіе къ отпуску Ергольскаго, о чемъ и сообщилъ

сенату въ особомъ допошеніи. Препятствіе это заключалось въ неисправности Ергольскаго по провіантскому и подушному сборамъ и рекрутскому набору; въ его отсутствіе некому было поручить эти сборы; къ тому же воевода не рѣшался отпустить Ергольскаго еще и потому, что сверхъ воеводы „исъ канцеляріи разположенія полковъ опредѣленъ надъ нимъ Ергольскимъ въ смотрѣніи и попуженіи поручникъ Усовъ и ежели за отъѣздомъ ево Ергольскаго означенныя дѣла въ долѣ ево будутъ неисправны, и того бѣ на насъ впредь напрасно певзыскалось“. Къ сожалѣнію, въ собранныхъ актахъ не оказалось окончанія переписки, и вопросъ объ отпускѣ Ергольскаго остается для насъ открытымъ. Но и то, что извлечено, достаточно свидѣтельствуетъ о тяжеломъ положеніи служилыхъ людей въ эпоху напряженной работы государственной машины при Петрѣ Великомъ.

Жалованье чинамъ провинціальной администраціи ассигновалось за прослуженное время къ концу года и долѣе по истеченіи его. Такъ, рентмейстеру и чинамъ рентереи отпускается въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1725 г. жалованье за первыя двѣ трети этого года, за послѣднюю треть предписывается выдать жалованье по прошествіи ея (№ 43). Жалованье камериру и служащимъ въ камерирской копторѣ за 1725 г. отпускается только въ сентябрѣ 1726 г. (№ 45). Нѣкоторые изъ служащихъ совершенно упускаются при ассигнованіи жалованія. „А окладовъ солдатамъ“, писалъ воевода въ 1725 г., „никакихъ не учинено и жалованья какъ денежнаго, такъ и хлѣбнаго ничего не получаютъ, отъ чего изъ нихъ многіе голодомъ страждутъ и отъ карауловъ въ міру бродятъ“ (№ 13, стр. 10). Въ 1726 году воеводѣ пришлось испрашивать у штатсъ-канторы особый указъ объ отпускѣ жалованья сверхштатнымъ солдатамъ, урядникамъ, сторожу и заплечному мастеру... „а имъ... безъ жалованья, будучи при оной канцеляріи, прокормитца нечѣмъ“ (№ 44).

Во второмъ отдѣлѣ помѣщены акты объ отвѣтственности и отчетности должностныхъ лицъ по служебнымъ дѣламъ. Собранный матеріалъ, къ сожалѣнію, не полонъ. Среди разобранныхъ документовъ нѣтъ почти ни одного дѣла, которое было бы вполне закончено. Происходитъ это отчасти оттого, что дѣла объ отвѣтственности и отчетности должностныхъ лицъ на самомъ дѣлѣ не заканчивались, не выходили изъ стадіи отписыванія, но также и оттого, что рѣшенія по нимъ или же производства не осталось въ мѣстномъ архивѣ и ихъ слѣдуетъ искать въ архивахъ центральныхъ. Собранный нами матеріалъ является

разрозненнымъ. Мы находимъ въ немъ части незаконченнаго производства, указы о привлеченіи должностныхъ лицъ къ отвѣтственности по служебнымъ преступленіямъ безъ дальнѣйшаго производства или же указы съ наложеніемъ штрафа и наказанія за служебныя преступленія съ отрывочными свѣдѣніями о предварительномъ ходѣ дѣла и безъ слѣдовъ ихъ исполненія. Тѣмъ не менѣе и такой разрозненный матеріалъ представляетъ интересъ. На протяженіи семи лѣтъ насчитываемъ около двухъ десятковъ дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ. Попадаютъ въ нихъ всѣ чины провинціальной іерархіи, начиная съ воеводы и кончая подъячими, а также выборныя должностныя лица всѣхъ степеней по городскому и финансовому управленію. Въ указахъ и производствѣхъ находятся весьма цѣнныя данныя для характеристики служебнаго и административнаго быта провинціи: выступаютъ наружу мелкія плутни и крупныя злоупотребленія мѣстныхъ правителей, сильно замѣтны свѣжіе слѣды московскаго кормленія, проявляется во всей силѣ и блескѣ изощренность мѣстныхъ чиновъ въ „отпискѣ“ передъ начальствомъ; центральное правительство пытается бороться съ злоупотребленіями мѣстныхъ властей, но большею частью отступаетъ предъ ними въ безсиліи добратся до правды, или же смотритъ на эти злоупотребленія сквозь пальцы, потому что нужны люди для государственной службы,—лучшихъ не найдешь, да и тѣхъ, которые есть, не хватаетъ для напряженной и лихорадочной дѣятельности государственнаго механизма; даетъ себя чувствовать тяжесть служебной повинности посадекаго, отчасти и уѣзднаго населенія, не только отдающаго свои рабочія руки для сбора и счета государственной казны, но и отвѣчающаго за недоборы и недочеты своихъ выборныхъ, которые по временамъ не прочь покорыстоваться отъ службы, но часто оказываются не въ силахъ вынести ея тяжелое бремя; страдаютъ отъ этого бремена и чиновныя лица, не взирая на всѣ выгоды ихъ положенія. Наконецъ, собранный матеріалъ имѣетъ мѣстное значеніе: предъ глазами читателя проходитъ рядъ лицъ изъ населенія Угличской провинціи и Ярославской земли въ ихъ служебной, нерѣдко и бытовой обстановкѣ, оживаетъ хоть и не глубокая, но все же достаточно отъ насъ отдаленная мѣстная старина.

На первое мѣсто поставлено дѣло 1723—1724 гг. по обвиненію въ преступленіяхъ по должности воеводы Ѳ. Е. Бутурлина и камерира И. М. Мясоѣдова (№№ 46—47). Дѣло началось съ допесенія фискала Угличской провинціи Михаила Акиншина прокурору Корину отъ 9 дек. 1723 г. (стр. 44—45).

Фискаль обвинялъ воеводу и камерира въ цѣломъ рядѣ служебныхъ преступленій, каковы: переборы съ купечества и съ крестьянъ при взиманіи податей и налоговъ, подлоги въ рекрутскомъ наборѣ, незаконное освобожденіе изъ тюрьмы воровъ и разбойниковъ, попустительство челобитчикамъ, „которые, нехотя съ искомъ своихъ надлежащихъ по указомъ платить пошлинъ, мирились съ отвѣтчиками, крѣпяся у крѣпостныхъ дѣлъ записми, отъ чего настоящіе пошлины съ тѣхъ ихъ искомъ пропадаютъ“, корыстное нарушеніе правилъ о гербовой бумагѣ, злоупотребленія по постройкѣ мундирной одежды, неправая поставка и продажа соли, незаконное заготовленіе обуви, растрата провьянта, невыдача уѣзднымъ людямъ квитанцій о внесеніи ими казенныхъ сборовъ, нетребованіе чрезъ бурмистровъ отчетовъ съ кабатчиковъ; эта длинная вереница служебныхъ преступленій дополнялась еще жалобой на то, что воевода не выдавалъ фискалу слѣдуемыхъ ему копій съ указовъ, не допускалъ его къ осмотру дѣлъ и не принималъ его доношеній, въ чемъ слѣдовали за воеводой въ городахъ бурмистры съ товарищами, отчего „и изъ купечества фискалы стали быть непослушны“ ему, провинціальному фискалу. Получивъ доношеніе Акиншина, прокуроръ по закону представилъ его немедленно, черезъ два дня, въ Ярославскій надворный судъ для разслѣдованія. Судъ 24 дек. 1723 г. (стрн. 43) послалъ воеводѣ указъ о томъ, чтобы онъ по прежнимъ и будущимъ доношеніямъ фискала чинилъ „слѣдованіе и рѣшеніе“ по указамъ и по генеральному регламенту, выдавалъ фискасу слѣдуемыя копіи съ указовъ, принималъ его доношенія и представилъ объясненія, почему не было произведено разслѣдованіе по прежнимъ доношеніямъ фискала. На этотъ указъ воевода отвѣчалъ молчаніемъ, вслѣдствіе чего черезъ семь мѣсяцевъ, именно, 18 іюля 1724 г. надворный судъ послалъ новый указъ воеводѣ (стрн. 45—46) съ тѣми же требованіями. На этотъ указъ воевода отвѣтилъ только черезъ мѣсяць доношеніемъ отъ 19 авг. 1724 г. (стрн. 46—47). Въ этомъ доношеніи воевода, въ сущности говоря, отписывался отъ возводимыхъ на него обвиненій, проводя указъ на указъ и ссылаясь на малолѣтство своей канцеляріи, а также отсутствіе въ ней „опредѣленныхъ дворянъ и знатныхъ людей“¹⁾, которымъ можно было бы поручить разслѣдованіе по важнымъ

¹⁾ Въ 1720 г. былъ при канцеляріи дворянинъ Иванъ Гудовскій, которому поручено было важное дѣло по составленію описи и слачѣ на храненіе имущества монастырской вотчины (№ 62, стрн. 86). Въ 1724 г. командированъ воеводой дворянинъ для исполненія судебного приговора (№ 106, стрн. 162).

дѣламъ, о которыхъ доносили фискаль; въ концѣ воевода обвинялъ фискала въ томъ, что тотъ мало бывалъ въ Угличѣ и уѣхалъ оттуда, не приложивъ руки къ выпискамъ по тѣмъ слѣдствіямъ, которыя были произведены по распоряженію воеводы. Этой „отпиской“ воеводы Ярославскій надворный судъ не удовлетворился, но проявить свое рѣшеніе не скоро. Только въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1724 г., т. е. безъ малаго черезъ годъ послѣ перваго доношенія фискала Акиншина и представленія прокурора Корина, надворный судъ пришелъ къ убѣжденію, что разслѣдованіе дѣла необходимо поручить постороннему лицу „кромѣ ихъ воевода и камерира, понеже де по тѣмъ доношеніямъ и до нихъ воеводы и камерира нѣсколько касатися будетъ не малое число (стрн. 41). Въ качествѣ такого лица былъ назначенъ капитанъ и пошехонской провинціи ассессоръ Алексѣй Заборовскій. О назначеніи его посланъ былъ Ярославскимъ надворнымъ судомъ въ Угличскую провинцію указъ (стрн. 39—40), въ которомъ повелѣвалось, чтобы „воевода съ товарищи и камериръ и фискаль и другіе, что до кого будетъ касатца, оному капитану и ассессору Заборовскому въ подлежащемъ были послушны безъ всякаго спору;“ вмѣстѣ съ тѣмъ судъ предписывалъ воеводѣ предоставить въ распоряженіе Заборовскаго подъячихъ и приказныхъ служителей и прочее „бесъ чего при томъ слѣдствіи пробить невозможно“. 27 ноября 1724 г. Заборовскій обратился къ воеводѣ съ письмомъ (стрн. 40), въ которомъ просилъ отвести ему необходимое помѣщеніе, именно,—одинъ дворъ „зъ довольными покоями“ подъ канцелярію, одинъ дворъ подъ его личную квартиру и два двора подъ квартиры служителей. Воевода отвѣтилъ Заборовскому письмомъ же (стрн. 40), что онъ лично не можетъ отвести квартиръ потому, что ему не вѣдома магистральная команда, а вѣдома она у бургомистра съ товарищами, къ которымъ и обѣщаль обратиться. И дѣйствительно 4 декабря 1724 г. воевода предписать бургомистру Коробкову заготовить требуемыя квартиры, которыя однако на самомъ дѣлѣ не были отведены. Тѣмъ не менѣе капитанъ и ассессоръ Заборовскій превратился на бумагѣ въ цѣлое учрежденіе, и 31 декабря 1724 г. была отправлена „Углицкой провинции изъ канторы слѣдствія дѣлъ вѣдѣнія капитана и Пошехонской провинции ассессора господина Заборовскаго“ воеводѣ промеморія (стрн. 41—42), въ которой повторялись прежнія требованія о послушаніи, присылкѣ дѣлъ и документовъ, откомандированіи подъячихъ и солдатъ и объ отводѣ помѣщенія; въ качествѣ „протчего, бесъ чего при томъ слѣдствіи пробить

невозможно“ Заборовскій требоваль у воеводы „бумаги доброї пять стопъ, росхожей то жъ число, всего десять стопъ; сургучю одинъ фунтъ; свѣчь сальныхъ одинъ пудъ; на судейской столъ сукно, чернильницу и два шандала простыхъ да черниль, перья и для топленья конторы дровъ“. Этой промеморіей „контора слѣдствія дѣлъ“ капитана Заборовскаго не только начала, но и окончила свою дѣятельность. Высочайшимъ указомъ отъ 4 декабря 1724 г. былъ измѣненъ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ по фискальскимъ доношеніямъ: всѣ эти дѣла были сосредоточены у генераль-фискала господина Мякиннина. „И за тѣмъ де Е. И. В. указомъ оной капитанъ Заборовской тѣхъ дѣлъ не ислѣдовалъ и ись канцеляріи провинціи Углицкой дѣлъ къ слѣдствію къ нему не прислано и подъячихъ и протчего, безъ чего при томъ слѣдствіи пробыть невозможно, не дано“. (стрн. 48). Примѣняясь къ новому порядку направленія дѣлъ, Ярославскій надворный судъ указомъ отъ 23 марта 1726 г. (№ 47) потребоваль отъ воеводы необходимыхъ для представленія генераль-фискалу свѣдѣній о томъ, какіе и на кого были фискальскіе доносы, какія по нимъ произведены расслѣдованія и наложены взысканія, а буде расслѣдованія по какимъ либо доносамъ не было, то почему?

Въ 1725 г. штатсъ-контора постановила взыскать съ воеводы 462 р. 85 $\frac{1}{2}$ коп. недочетныхъ денегъ, явившихся на счетчикъ крестьянинъ Василіи Евстифѣевъ, доставившемъ въ Петербургъ подушный сборъ за 1724 годъ (№ 48, стрн. 49—50). Ссылаясь на указы отъ 5 Мая и 13 Юля 1722 г., по которымъ велѣно выбирать въ счетчики изъ „бородачей и роскошниковъ“ и отправлять денежную казну въ Петербургъ съ подъячими, а не съ крестьянами, штатсъ-контора обвиняла воеводу въ самовольномъ дѣйствіи вопреки указамъ, причемъ ставила ему на видъ, что если ему не съ кѣмъ было послать казну, то слѣдовало испросить по этому поводу указъ изъ штатсъ-конторы, а не распоряжаться самовольно; въ силу такихъ нарушеній штатсъ-контора постановила доправить на воеводѣ 462 р. 85 $\frac{1}{4}$ коп. недочетныхъ денегъ, да сверхъ того 1 р. 2 коп. кормовыхъ, которые были выданы упомянутому Евстифѣеву въ Петербургѣ. По поводу этого начета воевода отправилъ 27 декабря 1725 г. въ штатсъ-контору обширное доношеніе (стрн. 50—54), въ которомъ противъ приведенныхъ штатсъ-конторой указовъ приводилъ другіе позднѣйшіе указы, разрѣшавшіе выбирать счетчиковъ изъ крестьянъ, и въ оправданіе своего образа дѣйствій ссылался на отсутствіе въ провин-

ціи раскольниковъ и бородачей, малолѣтство своей канцеляріи и немѣніе въ ней лицъ, которымъ можно бы довѣрить казну; на основаніи всего этого воевода признавалъ свой образъ дѣйствій правильнымъ и полагалъ, что недочетныя деньги надлежало взыскивать не на немъ, а „на выборныхъ людехъ“. Въ нашихъ актахъ нѣтъ окончанія этого дѣла; имѣется лишь указъ изъ военной коллегіи отъ 17 іюня 1726 г. (№ 49), въ которомъ содержится постановленіе военной коллегіи о неправедѣ на воеводѣ упомянутого начета чрезъ офицеровъ, находящихся въ Углицкой провинціи на вѣчныхъ квартирахъ, полковъ, причемъ указывается, что относительно самого начета воевода долженъ требовать надлежащаго рѣшенія „мимо военной коллегіи ись тѣхъ мѣстъ, откуда оныя деньги... взыскиваются“.

Въ томъ же 1725 году воевода и камериръ были привлечены къ отвѣтственности по жалобѣ на нихъ счетчика изъ дворянъ недоросля Павла Боровскаго. Воевода и камериръ сдѣлали на него начетъ въ 43 р.; для пополненія недочетныхъ денегъ они продали за эту сумму имѣніе Боровскаго въ Кашинскомъ уѣздѣ подпоручнику Нижегородскаго полка Ивану Фонъ-Дельдину. Боровской обжаловаль постановленіе воеводы и камерира въ камеръ-коллегію, которая его отмѣнила, и въ указѣ своемъ отъ 16 декабря 1725 г. (№ 50) приказала востановить Боровскаго во владѣніи его имѣніемъ. Въ этомъ указѣ камеръ-коллегія исчисляетъ недочетъ Боровскаго въ значительно меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ это сдѣлали воевода и камериръ, устанавливаетъ въ ихъ дѣйствіяхъ цѣлый рядъ нарушеній законнаго порядка взысканія недочетныхъ денегъ и признаетъ подозрительнымъ дальнѣйшій переходъ имѣнія отъ подпоручика Фонъ-Дельдина къ подполковнику Трейдину, который осматривалъ и считалъ доставленную Боровскимъ денежную казну. По всѣмъ этимъ пунктамъ камеръ-коллегія предписываетъ произвести расслѣдованіе и поручаетъ его ассессорамъ Углицкой провинціи, на имя которыхъ адресованъ самый указъ камеръ-коллегіи („въ Углицкую провинцію господамъ ассессорамъ“, — стрн. 55). Выше мы видѣли случаи, когда расслѣдованіе незаконныхъ дѣйствій воеводы поручалось ассессору другой провинціи, специально для этого командированному (№ 46); теперь можемъ отмѣтить порученіе такого дѣла состоящимъ при томъ же воеводѣ ассессорамъ, — порядокъ, который врядъ ли обезпечивалъ независимость слѣдствія и дѣйствительную отвѣтственность воеводы¹⁾.

¹⁾ О подчиненномъ въ отношеніи къ воеводѣ положеніи ассессоровъ см. М. М. Богословскій, назв. сочин., стрн. 241.

Дѣло 1721 г. объ обвиненіи во взяткахъ угличскаго камерира Василя Ивановича Милюкова въ бытность его ярославскимъ ландратомъ (№ 51) характерно по проявившейся въ немъ живой традиціи московскаго до-реформеннаго кормленія. Самое дѣло возникло при ревизіи расходныхъ книгъ ярославскихъ земскихъ бурмистровъ, въ которыхъ подѣ 1714 и 1715 гг. въ качествѣ особыхъ статей расхода были записаны подношенія „въ почестъ“ Василю Милюкову. Предметы этихъ подношеній были самые разнообразны: хлѣбъ, калачи, разная рыба (до десяти сортовъ), разнаго сорта мясо, птица, икра, вино, водка, медъ, пиво, уксусъ, сукно, бумага, ножницы, мыло, огурцы, чеснокъ, лукъ, яйца, солодъ, топоръ, позументъ, серебряныя пуговицы; перечень, какъ видимъ, довольно разнообразный, въ которомъ не достаетъ развѣ лишь борзыхъ щенковъ. На всѣ эти почести бурмистры израсходовали въ 1714 г. 38 рублей 20 алтынъ и въ 1715 г.—4 рубля 29 алтынъ 4 деньги. Допрошенный по этому дѣлу воеводою Бутурлинымъ, Милюковъ показалъ, что въ 1714 г. онъ былъ командированъ и проѣзжалъ въ Ярославль „для правяжу денежныхъ домоковъ на посацкихъ и уѣздныхъ людѣхъ“, но въ дѣйствительности ихъ не правилъ, такъ какъ правяжъ былъ порученъ оберъ-коменданту съ товарищами, а въ 1715 г. онъ былъ назначенъ и пріѣхалъ въ Ярославль ландратомъ; и въ томъ, и въ другомъ году бурмистры дѣйствительно приносили ему въ почестъ все написанное въ присланной вѣдомости, но приносили „за свою волю, а не отъ дѣлъ“ и „не по прозвѣ ево“, отчасти даже „для того, что оные бурмистры многіе они у него Милюкова ѣдали;“ такъ какъ бурмистры не были подвѣдомственны ландратамъ, то онъ Милюковъ и не считаетъ себя виновнымъ въ пріемѣ этихъ подношеній: „а такова де Государева указу онъ Милюковъ и не вѣдаетъ, что безъ дѣла въ почестъ имать не велѣно“.

Въ 1721 году обнаружено въ Угличской провинціи по вѣдомости подъячаго Тимофея Тарханова, что бывший угличскій ландратъ Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ израсходовать безъ указа изъ суммъ, вырученныхъ въ 1716 и 1717 гг. отъ продажи гербовой бумаги, 154 рубл. 74 коп.¹⁾ Въ ноябрѣ 1724 г. и въ іюлѣ 1725 г. Мануфактуръ-коллегія приказала доправить указанную сумму на ономъ Нарышкинѣ безъ всякаго послабленія. Во исполненіе этого приказа въ Московской конторѣ мануфактуръ-коллегіи въ августѣ 1725 г. взяты были подѣ караулъ

¹⁾ Срвн. № 121, стрн. 215.

два служителя Нарышкина и содержались подѣ карауломъ до іюня 1726 г. Тѣмъ не менѣ Нарышкинъ денегъ не платилъ и „скаскою... объявилъ: оные де деньги изъ збору за гербовую бумагу онъ взялъ ли, того за прошедшимъ многімъ временемъ не упомянуть, а ежели въ тѣхъ деньгахъ явитца руки его правая росписка, то онъ тѣ деньги заплатитъ безъ всякаго спору, а нынѣ де, не справясь о томъ подлинно, платитъ денегъ невозможно“. Тогда мануфактуръ-коллегія отправила 18 іюля 1726 г. въ Угличскую провинцію указъ (№ 52)¹⁾, въ которомъ приказала выслать требуемую Нарышкинымъ росписку, а если ея не окажется, то выслать въ Московскую контору самого упомянутаго подъячаго Тарханова. Дѣло о Нарышкинѣ тянулось столь долго, что коллегія, очевидно, потеряла терпѣніе и потому въ концѣ указа было предписано: „выслать... оного подъячаго Тарханова по силѣ генеральнаго регламента по полученіи указу въ 6-ть недѣль, а ежели въ оный терминъ высланъ онъ не будетъ, то показанные деньги доправлены будутъ на воеводѣ безъ всякаго послабленія“.

Изъ указовъ, помѣщенныхъ подѣ № 53, 58 и 59 узнаемъ о служебныхъ преступленіяхъ провинціальныхъ фискаловъ, бывшего пошехонскаго коменданта Ивана Веригина и его подъячихъ и бывшего романовскаго коменданта Юрья Нѣгоновскаго.

Выше нами отмѣчены случаи упорной неявки должностныхъ лицъ къ мѣсту ихъ служенія. Теперь имѣемъ возможность указать на привлеченіе къ отвѣтственности за такую неявку. Въ 1722 г. опредѣленъ былъ Правительствующимъ Сенатомъ въ Казанскую губернію судебнымъ комиссаромъ²⁾ Федоръ Михайловичъ Бѣшенцовъ, испомѣщенный въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ не являлся къ мѣсту своего служенія. По указу изъ Герольдмейстерской конторы въ Угличскую провинцію отъ 7 іюня 1725 г. (№ 57) приказано было имѣнія Бѣшенцова „отписать на Е. В. Государыню Императрицу до указу“, а его самого выслать къ мѣсту служенія, взявъ по немъ добрыя поруки, а если порукъ не будетъ, то подѣ карауломъ³⁾.

¹⁾ Въ заголовкѣ подлинника по явной ошибкѣ написано: „Великолукскую провинцію“ стольнику и воеводѣ господину Бутурлину съ товарищи“ стрн. 631.

²⁾ О судебныхъ комиссарахъ см. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стрн. 242—243.

³⁾ Рѣчь идетъ о томъ же Бѣшенцовѣ, который былъ нижняго суда судьей въ Бѣжецкомъ Верхѣ (№№ 16—19). Туда онъ былъ назначенъ на мѣсто В. Н. Тараканова, не являвшагося къ мѣсту служенія въ теченіе двухъ лѣтъ. По стеченію обстоятельствъ самому Бѣшенцову пришлось вскорѣ впасть въ такое же нарушеніе служебнаго долга.

Подъ №№ 60—61 помѣщенъ перекрестный допросъ ратмановъ и бургомистра Бѣжецкой ратуши и фискала Михаила Акиншина по возбужденному послѣднимъ дѣлу о служебныхъ преступленіяхъ ратмановъ и бургомистра. Указанные документы, не смотря на всю ихъ отрывочность, приведены, какъ образчики судопроизводства по преступленіямъ по должности и какъ показатели служебныхъ отношеній своего времени. Въ послѣднемъ отношеніи весьма характерно объясненіе ратмановъ о своеобразномъ оперированіи ими съ суммами казенныхъ сборовъ для облегченія платежей своей посадской общины по другимъ статьямъ казенныхъ же сборовъ. Заслуживаетъ вниманія и та „простота“, по которой не прописывали собираемыхъ съ населенія денегъ въ „репортахъ“.

Въ мартѣ 1720 г. Афанасій Даниловичъ Шубинской отосланъ былъ въ дворцовую канцелярію и въ октябрѣ того же года назначенъ былъ управителемъ Можайскихъ дворцовыхъ волостей. До причисленія къ дворцовой канцеляріи Шубинской былъ ставовымъ управителемъ¹⁾ въ Угличскомъ уѣздѣ въ Рожаловскомъ станѣ (см. № 133, стрн. 287) и вѣдалъ описную монастырскую вотчину—Спаса Новаго монастыря село Климотино (Климентино тожъ). Въ виду перевода Шубинского на службу въ Можайскій уѣздъ съ него потребовали сдачи управленія селомъ Климотинымъ, и по поводу этой сдачи возникло цѣлое дѣло (№ 62). Шубинской донесъ воеводѣ, что онъ сдалъ село Климотино со всѣмъ наличнымъ имуществомъ выборному и старостѣ этого села и получилъ съ нихъ въ пріемѣ росписку (стрн. 81—82). На самомъ дѣлѣ ни сдачи, ни пріема не было. Воеводою были допрошены староста, выборный, прежній прикащикъ и дьячекъ села Климотина, которые единогласно показали, что они ничего не принимали, расписки не давали, и что Шубинской уѣхалъ изъ Климотина, никому не сдавъ управленія и имущества (стрн. 83—84). Тогда воевода и камериръ постановили отправить въ Климотино „дворянина доброго съ фискаломъ“ и поручить имъ въ присутствіи выборныхъ отъ села и окольныхъ людей составить опись всей вотчины, опечатать все имущество и сдать его

¹⁾ Какъ сказано въ доношеніи воеводы (стрн. 81), Шубинской былъ ставовымъ управителемъ, „по опредѣленію прежняго угличскаго лантрата Алексѣя Нарышкина“. Объ управителяхъ, подчиненныхъ ландрату, и о ставовыхъ дворянахъ см. *М. М. Богословскій*, Исслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1903 г., сентябрь, стрн. 123, 124 и 125-ая (на послѣдней упоминается *ставовой дворянинъ* А. Шубинской). О ставовыхъ дворянахъ, или ставовыхъ управителяхъ Угличской провинціи см. № 133, стрн. 286—288. Срвн. *Я. О. Кузнецовъ*, Ставовые управители Ярославской провинціи, изданіе Владимирской Ученой Архивной Комиссіи, Владимиръ на Клязьмѣ, 1904 г.

на храненіе выборнымъ и всѣмъ крестьянамъ; съ этимъ порученіемъ отправленъ былъ въ Климотино дворянинъ Иванъ Гудовскій (стрн. 84—87). Затѣмъ воевода донесъ на имя государя въ Правительствующій Сенатъ о томъ, что „оной Шубинской, не отдавъ вышеписаннаго села Климотина за подпискою своею, изъ Углича... въ помянутые (Можайскія) волости съѣхалъ безъ отпуску, и о томъ, что Ваше Царское Величество укажетъ“ (стрн. 81). Въ собранныхъ актахъ не оказалось ни какого указа въ отвѣтъ на это доношеніе воеводы, и потому окончательный исходъ дѣла намъ неизвѣстенъ. Можемъ лишь указать, что отмѣченное упущеніе А. Д. Шубинского, связанное съ ложнымъ донесеніемъ его воеводѣ, не помѣшало его дальнѣйшему служебному движенію: въ 1722 г. онъ былъ пазначенъ въ подчиненные комиссары Углической провинціи (№ 21), а въ 1724 г. попалъ въ выборные земскіе комиссары той же провинціи¹⁾.

Весьма часты были дѣла, возбуждаемые противъ выборныхъ посадскихъ людей, состоявшихъ у казенной продажи, по поводу ихъ недоборовъ и недочетовъ. Изъ особаго реестра (№ 64) узнаемъ, на комъ изъ выборныхъ посадскихъ людей числились недонмки въ 1716—1717 гг., и когда состоялись приговоры о правевѣ этихъ недоимокъ (см. также № 116). Въ 1720 г. подлежали взятю въ С.-Петербургскую канцелярію полицеймейстерскихъ дѣлъ „по розыскному солянному дѣлу“ угличанинъ посадскій человекъ Ѳеодоръ Сонинъ, да ярославецъ посадскій же человекъ Власть Сторожевъ, бывшіе въ 1719 году цѣловальниками въ Петербургѣ въ соляныхъ амбарахъ на Адмиралтейскомъ островѣ (№ 63). Въ Угличскую провинцію отправленъ былъ солдатъ для сыска Сонина. „А буде онъ станетъ укрыватца“, сказано въ указѣ, „то дворъ его и животы запечатать, а жену ево держать за карауломъ, докамѣсть онъ сысканъ будетъ“. Изъ приложеннаго къ указу документа видно, что жена Сонина²⁾ дѣйствительно содержалась подъ карауломъ и только потомъ отдана была на поруки, „понеже оная женка по свидѣтельству чревата“. Въ 1719 году состояли цѣловальниками у соляной продажи на островѣ Котлинѣ ярославецъ Петръ Сырейчиковъ и угличанинъ Михайло Трегубовъ. Они истратили часть вырученныхъ отъ продажи денегъ на свои нужды; растрата была пополнена; тѣмъ не менѣе предписано было соответственнымъ воеводамъ „во взятѣ (ими) сбор-

¹⁾ См. „Реестръ земскимъ комиссарамъ, которые выбраны для сбора подушныхъ денегъ къ будущему 724 году“ у *М. М. Богословскаго*, назв. сочин., стрн. 41.

²⁾ Въ копіи расписки (стрн. 88) по явной опибкѣ писца провинціальной канцеляріи названа жена Ѳеодора Осокина вмѣсто Ѳеодора Сонина.

ныхъ денегъ безъ указу за оное учинить имъ, какъ о томъ Е. И. В. указы повелѣваютъ“ (№ 65). Въ 1717 г., „на (мологскомъ) бурмистрѣ Кондратѣ Масленниковѣ по шетной выпискѣ начтено за неявльшейся солодъ и за незаписку винной продажи въ приходные книги и положенного штрафа 202 р. 1 алтынъ 5 денегъ“, и въ 1724 году запрашивали воеводу, взысканъ ли упомянутый начетъ (№ 68). Приведено цѣлое дѣло о растратѣ денежной казны кашинскимъ солянымъ головой Максимомъ Исполатовымъ съ товарищами (№№ 66—67). Растрата сдѣлана была головой Максимомъ Исполатовымъ и ларечными Иваномъ Сутугинымъ и Алексѣемъ Сысоевымъ въ 1716 году. Дѣло противъ нихъ было возбуждено въ 1718 году. Обвиняемые отрицали виновность свою въ томъ, что возводилось на нихъ въ доношеніяхъ провинціального фискаля, именно въ растратѣ денегъ на личные ихъ торговые промыслы и въ своевольной раздачѣ ихъ нѣсколькимъ кашинцамъ посадскимъ людямъ; они говорили лишь о томъ, почему деньги хранились не въ соляной избѣ, а у головы въ домѣ, и о томъ, у кого они мѣняли мѣдные деньги на серебряныя; относительно растраты сговорчиво заявили: „и тѣ деньги платить онъ голова съ товарищи по разверсткѣ готовы“. Во время слѣдствія умеръ голова Исполатовъ, и картина дѣла измѣнилась. Товарищи его ларечные Сутугинъ и Сысоевъ „въ роспросѣ послѣ смерти оного головы показали: изъ оныхъ, де денегъ, которыхъ не явилось у нихъ на лицо 418 рублей 30 алтынъ 3 деньги взяли у нихъ Кашинскіе земскіе бурмистры для платежа государевыхъ податей и цѣловальники за соль не отдали 411 рублей и о томъ у нихъ роспись есть, которую они нашли послѣ умершаго головы Исполатова, а въ первомъ, де, допросѣ они про тѣ деньги не сказали для того, что тѣ деньги кашинскіе мирскіе люди хотѣли прислать за ними въ Санктъ-Питербрухъ вскорѣ“. Найденная послѣ умершаго головы расписка была тутъ же представлена. Контора соляного правленія, гдѣ производилось дѣло, постановила прежде всего наказать ларечныхъ за утайку показанія въ первомъ допросѣ, именно,—вмѣсто кнута бить ихъ батогами; что же касается растроченной суммы, то ее постановлено взыскать со всѣхъ виновныхъ, да сверхъ того наложить на нихъ штрафъ въ 160 рублей (см. № 116, стрн. 197); прописаны были, наконецъ, батоги и бурмистрамъ, „для того, что по указомъ отъ соляного правленія велѣно имъ бурмистромъ надъ ними головами съ товарищи смотреть“. Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла и приведеніе приговора въ исполненіе передано было кашинскому ландрату Афанасію Олсуфьеву. На

слѣдствіи у ландрата бурмистръ, сборщикъ и цѣловальники отрицали правильность показаній извѣстной намъ расписки, найденной послѣ смерти Исполатова, но все же бурмистръ Иванъ Сысоевъ призналъ, что „въ 1717 году по прозбѣ посацкихъ людей оные ларечные прислали къ нему въ земскую избу за мирскихъ людей въ подать 45 рублей, а зборныхъ ли или своихъ собственныхъ, того онъ не вѣдаетъ“. Полученіе остальныхъ денегъ, перечисленныхъ въ извѣстной распискѣ Исполатова, выборныя должностныя лица посадской общины Кашина отрицали. Ларечные Иванъ Сутугинъ и Алексѣй Сысоевъ „въ улику ничего не сказали“ и выразили готовность уплатить недочетныя¹⁾ деньги, каковая сумма и была съ нихъ взыскана ландратомъ въ 1719 году. Остался невзысканнымъ лишь штрафъ въ 160 рублей, дѣло о взысканіи котораго велось вплоть до 1727 года. Окончанія его нѣтъ въ собранныхъ нами документахъ, но и приведенныя перепетія дѣла въ высшей степени интересны. Не вдаваясь въ пересказъ всего хода дѣла, отмѣтимъ лишь, что изъ центра посылаются вторичныя и третичныя указы, на мѣстѣ ищутъ виновныхъ, изъ которыхъ одни оказываются умершими, другіе бродятъ по міру для прокормленія, вмѣсто перазысканныхъ мужей берутъ къ отвѣту женъ, полагаютъ взысканіе на имущество дѣтей, которыя подають челобитную императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и просятъ разсрочить уплату взыскиваемого штрафа, чтобы имъ „отъ того безсрочного правеею во всеконечномъ раззореніи не быть“. Та легкость, съ которой кашинцы пополнили недочетъ и то упорство, которое они проявили въ неплатежѣ штрафа, могутъ служить, думается намъ, основаніемъ къ предположенію, что самая растрата была своего рода кассовымъ заимствованіемъ для платежа другихъ настоятельныхъ сборовъ, съ формальной стороны, внѣ всякаго сомнѣнія, незаконнымъ, по по существу извинительнымъ въ виду тяжести податнаго бремени²⁾; вслѣдствіе этого штрафъ за оказаніе помощи своимъ же мірскимъ людямъ представлялся кашинцамъ особенно тягостнымъ и внутренне несправедливымъ, и они всячески старались „того платежа отбыть“.

Подобно выборнымъ, бывшимъ у казенной продажи или сборовъ, понадались въ недочетъ денегъ и выборные счетчики, принимавшіе казну на мѣстѣ и отвозившіе ее въ столицу³⁾, и

¹⁾ Недочетныя деньги назывались также „недоносными“. (См. № 116, стр. 195; № 135, стр. 292).

²⁾ Тоже имѣло мѣсто въ 1720 г. въ Вѣжецкѣ, когда бурмистры дѣлали подобныя кассовыя заимствованія изъ таможенныхъ и кабацкихъ сборныхъ денегъ для платежа окладныхъ сборовъ съ Вѣжецкаго посада (№ 60, стрн. 71—72, 74, 75, 76, 77).

³⁾ Отчего счетчики называются иногда „отдатчиками“ (№ 136, стрн. 294).

подлежали за это ответственности (№№ 69—73 и № 77). Въ 1721 году явился недочетъ въ 362 рубля 5 алтынъ на счетчикѣ кашинскомъ дворянскомъ сынѣ Иванѣ Ильичѣ Бѣлавинѣ; за этотъ недочетъ имѣніе его движимое и недвижимое было отписано на государя, а самъ онъ взятъ подъ караулъ. Въ іюлѣ 1722 года жена его подала въ сенатъ челобитную, въ которой указывала, что мужъ ея въ сдачѣ казны не былъ своевременно сочтенъ „и щету подлинного (ему) не даютъ“, а „содержитца подъ карауломъ въ Угличѣ другой годъ и помираетъ голодомъ, также описной хлѣбъ весь погнѣлъ безъ остатку“; поэтому, жена всеподданнѣйше просила, чтобы повелѣно было ея мужа учesty и „ради всемірной радости и вѣчнаго примиренія съ Швецею короною а разрѣшено было мужа изъ подъ караула освободить, имѣніе ему возвратить, а уплату недочета разсрочить погодно. Въ отвѣтъ на челобитную послѣдовалъ изъ сената указъ (№ 69), въ которомъ предписывалось воеводѣ прислать дѣло Бѣлавина „для подлинного щету“ въ камеръ-коллегію и представить объясненія по существу челобитной. Участь Бѣлавина отъ этого не скоро измѣнилась: какъ видно изъ одного доношенія воеводы (№ 48, стр. 53), онъ содержался въ Угличѣ подъ карауломъ еще въ декабрѣ 1725 года.

При обнаруженіи недочета у бѣжецкаго счетчика посадскаго Павла Неворотина, посланнаго съ денежной казною въ Петербургъ вмѣстѣ съ дворяниномъ Петромъ Головачевымъ, обвиняемый Неворотинъ указалъ въ свое оправданіе, что онъ привезъ въ цѣлости все, что ему сдали, а „недочетъ явился отъ того, что принималъ онъ тѣ деньги на щетъ и на вѣсь денно и ночно по принужденію рентмейстера Сабурова подъ карауломъ, тако жъ и побоями, о чемъ онъ Неворотинъ на него рентмейстера и явное челобитіе въ Углицкомъ магистратѣ записать и въ Бѣжецкой ратушѣ доношеніе подать“. Штатсъ-кантора отослала Неворотина „для слѣдованія и взысканія оныхъ неявленныхъ денегъ“ въ главный магистратъ. Никакого дѣла по жалобѣ его на насилье со стороны рентмейстера Сабурова возбуждено не было, и въ указѣ воеводѣ г. Бутурлину съ товарищи, да тому же рентмейстеру Сабурову (№ 70) предписано было взыскать съ Неворотина недочетныя деньги, „а буде на немъ за чѣмъ тѣхъ денегъ будетъ взять не можно, то доправить на выборщикахъ, кто ево къ тому денежному щету выбирали“. При наложеніи взысканія ни слова не сказано о дворянинѣ Петрѣ Головачевѣ, который былъ посланъ вмѣстѣ съ Неворотинымъ „за денежною казною для охраненія въ пути“, вѣроятно потому, что штатсъ-кантора

признала заявленный Неворотинымъ фактъ, что „въ С.-Петербургѣ въ рентерею та казна привезена за щетомъ и печатью ево въ цѣлости“. Но разъ исключеніе дворянина Головачева изъ ответственности являлось признаніемъ того обстоятельства, что деньги не пропали и не были похищены Неворотинымъ въ пути, то тѣмъ болѣе странно, почему штатсъ-кантора не предписала произвести разслѣдованіе объ обстановкѣ, при которой происходилъ пріемъ денегъ Неворотинымъ въ Угличской рентерѣ. Можно не безъ основанія предполагать, что вопросъ объ образѣ дѣйствій провинціальныхъ чиновниковъ отступалъ на задній планъ предъ казеннымъ интересомъ, а послѣдній находилъ себѣ лучшее обезпеченіе въ круговой поруцѣ посадской общины, поставившей выборного счетчика, чѣмъ въ личной ответственности провинціального рентмейстера.

Въ 1724 году явилось 65 рублей съ лишнимъ недочету на счетчикѣ Алексѣѣ Соломининѣ. У Соломинина, по его показанію, не было ни двора, ни пожитковъ, ни торговъ и промысловъ и „пропитаніе имѣлъ (онъ) только работою своею“; въ виду этого слѣдовало его „для зарабатыванія за оныя недочетныя деньги сослать въ голерную работу“; но Соломининъ былъ помилованъ, и поводомъ для его помилованія послужила предсмертная болѣзнь императора Петра Великаго. „Нынѣ“, сказано въ указѣ изъ штатсъ-канторы отъ 27 янв. 1725 г., „для здравія Е. И. В. въ голерную работу не посылать и изъ Штатсъ-канторы освободить и о здравіи Е. И. В. ему Соломинину молить Бога“ (№ 71). Не смотря на помилованіе, сочли нужнымъ провѣрить правильность показаній Соломинина о его несостоятельности, и 9 мая 1725 г. послѣдовалъ новый указъ въ Углицкую провинцію (№ 72), въ которомъ предписывалось „въ оной провинціи освидѣтельствовать подлинно: оной Соломининъ дворы свои, и заводы, и лавы, и прочіе какіе пожитки имѣетъ ли и буде по свидѣтельству явитца, то взять въ зачетъ той доимки въ казну и продать немедленно, дабы за нескорою продажею напрасно что не пропало“. Въ общемъ однако помилованіе было сохранено въ своей силѣ, что выразилось въ томъ, что если послѣ продажи могущаго обнаружиться у Соломинина имущества „чего въ ту доимку не достанетъ, того на немъ Соломининѣ не взыскивать, тако жъ, ежели по подлинному свидѣтельству дворовъ и пожитковъ у него не явитца и платить будетъ нечѣмъ, и тѣхъ денегъ на немъ не взыскать же“.

При обнаруженіи въ 1725 г. недочета у нѣсколькихъ бѣжецкихъ счетчиковъ, послѣдніе объясняли недочетъ тѣмъ, что

имъ на мѣстѣ въ Угличѣ „не доложили въ полное приѣмное число“ рентерейскій подъячій Михайло Ярцовъ, о чемъ они сдѣлали своевременно словесное заявленіе воеводѣ и рентмейстеру. Штатсъ-кантора не обошла молчаніемъ злоупотребленія подъячаго, какъ она это сдѣлала относительно заявленнаго ей насилія рентмейстера надъ счетчикомъ, и предписала доправить недоложенныя деньги на Ярцовъ (№ 73); остальной же недочетъ приказапо было доправить на счетчикахъ, а въ случаѣ ихъ несостоятельности—на выборщикахъ на общемъ основаніи. Замѣчательно лишь то, что выведенная изъ терпѣнія обычной волокитой штатсъ-кантора назначила воеводѣ для исполненія ея указа двухнедѣльный срокъ, по прошествіи котораго, грозилъ указъ, „тѣ недочетные деньги доправлены будутъ той правинци на вась воеводѣ съ товарищи непремѣнно и для правееа присланы будутъ нарочные солдаты“.

Въ 1723 г. при сдачѣ въ Петербургѣ денежной казны, отправленной изъ Углича съ дворяниномъ Никифоромъ Ржевскимъ и съ нѣсколькими счетчиками („за щетомъ и печатьми щетчиковъ“), оказался недочетъ въ 45 рубл. съ копѣйками у счетчика подъячаго Тимофея Серебрякова. На допросѣ Серебряковъ показалъ, что „опредѣленъ де онъ въ той правинци для щету денежной казны *за выборомъ ево брата подъячихъ же* и выслать . . . въ штатсъ-кантору съ . . . денежною казною по высылкѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдата Леванова, которому оную казну велѣно выслать въ три дня. И онъ де Левановъ выслать ево Серебрякова безвременно; а по отдачѣ вышепомянутой недочетъ явился у него неусмотрѣніемъ, а не похищеніемъ“. Само собою разумѣется, что торопливость, даже чрезмѣрная, не была поставлена въ вину солдату, приставленному для понужденія; остался также въ сторонѣ и дворянинъ, везшій казну вмѣстѣ съ счетчиками. Указъ штатсъ-канторы (№ 77) предписывалъ взять „начетныя деньги“ на Серебряковъ, а въ случаѣ его несостоятельности—„на выборныхъ ево братьевъ подъячихъ“.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзору отвѣтственности другихъ должностныхъ лицъ по служебнымъ преступленіямъ, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ институтѣ счетчиковъ, насколько онъ выясняется изъ собранныхъ нами актовъ. Въ видѣ общаго правила счетчики къ приѣму и высылкѣ казенныхъ денегъ выбиралась посадскими общинами съ отвѣтственностью послѣднихъ на началахъ круговой поруки. Специальнымъ указомъ предписывалось выбирать счетчиковъ изъ бородачей и

раскольниковъ (см. № 48, стрн. 49—50). Въ Углической провинціи, по заявленію воеводы, бородачей совсѣмъ не было, а раскольниковъ не доставало¹⁾. Преимущественное возложеніе выборной службы счетчиковъ на бородачей и раскольниковъ, подвергавшихся вообще всякаго рода ограниченіямъ и стѣсненіямъ показывать, что само правительство смотрѣло на эту службу, какъ на тяжкое бремя, суровую повинность, отбываніе которой можетъ само по себѣ служить наказаніемъ. Кромѣ посадскихъ людей являлись счетчиками также выборные отъ уѣздныхъ людей—какъ архіерейскіе, монастырскіе, черносотные, такъ и помѣщичьи крестьяне (см. № 48, стрн. 51). Такъ, въ 1724 г. является счетникомъ Колязина монастыря слуга Василій Корсунской (№ 71, стрн. 108), въ 1725 году князь Ивана князь Иванова сына Хованскаго вотчинны деревни Яковлева крестьянинъ Василій Евстафьевъ (№ 48); въ томъ же году встрѣчаются среди счетниковъ Бѣжецкаго уѣзда слѣдующіе уѣздные люди: Алексѣевского дѣвичьяго монастыря села Деблени слуга Василій Душневъ, вотчинны оберъ-гофмейстера Матвѣя Олсуфьева села Заслуженья деревни Высокова крестьянинъ Савва Калининъ, вотчинны морского флота поручика князь Михаила Меньшова Голицына села Ростлятина крестьянинъ Антипъ Зубовъ (№ 73, стрн. 109—110). Ставились въ счетчики и подъячіе за отсутствіемъ посадскихъ и уѣздныхъ людей; специальные указы предписывали ставить въ счетчики подъячихъ даже преимущественно предъ уѣздными людьми (№ 48, стрн. 50). Въ собранныхъ нами актахъ встрѣчаемъ одинъ лишь случай, когда въ 1723 г. счетникомъ былъ подъячій (№ 77), и былъ онъ счетникомъ не по назначенію, а тоже по сословному избранію,—„за выборомъ ево братьевъ подъячихъ“ съ той же круговой отвѣтственностью выборщиковъ, какая примѣнялась къ посадскимъ и крестьянскимъ общинамъ, несшимъ тягло финансовой службы государству²⁾. Наконецъ,

¹⁾ „Во всей Угличкой правинци раскольниковъ явилось только четыре человѣка, а имянно: въ Угличѣ пасакія люди Иванъ да Гаврило Петровы дѣти Избушкины, Сергѣй Федоровъ сынъ Моховиковъ зъ сыномъ Яковомъ, и вышеписанные Избушкины изъ Углича сошли, и гдѣ живутъ, того и до нынѣ не вѣдомо. А Моховиковъ въ томъ 724 году по Его же Величества указу и по выбору Угличкаго магистрата былъ зборщикомъ у канцелярскихъ зборовъ, а въ нынѣшнемъ 725 году онъ Сергѣй Моховиковъ съ сыномъ отъ расколу отстали и обратились въ православную каюлицескую вѣру, а бородачей въ Угличкой провинциіи никого не имѣетца, понеже всѣ борода брѣютъ“ (№ 48, стрн. 52—53).

²⁾ См. также указъ изъ С.-Петербургской губерніи изъ канцеляріи ревизіи отъ 1 сент. 1726 г., разрѣшающій воеводѣ взять въ рентерею въ счетчики для приѣма денежной казны изъ солдатъ или изъ подъячихъ провинциіи (№ 15). Здѣсь дѣло идетъ о счетчикѣ для приѣма сборовъ на мѣстѣ, а не для высылки въ столицу.

среди счетчиковъ встрѣчаемъ въ 1721 году дворянъ: педоросля Павла Боровскаго (№ 50) и дворянскаго сына Ивана Бѣлавина (№ 69); оба они были помѣщиками Кашинскаго уѣзда, оба являлись счетчиками по своему уѣзду и возили деньги отъ кашинскаго комиссара Ивана Зыкова въ Угличскую рептерю¹⁾. Въ декабрѣ 1725 г. воевода въ доношеніи въ штатсъ-канцлеру писалъ, что „изъ дворянъ за данными имъ зѣ смотру указы не токмо въ щетки, и ни хъ какимъ дѣламъ опредѣлять не велѣно“ (№ 48, стрн. 53). За время, къ которому относятся издаваемые акты, было два смотра дворянъ (пляхетства) въ Москвѣ: въ 1722-омъ и въ 1725-омъ годахъ. Неизвѣстно, на какой изъ смотровъ ссылается воевода. Надо полагать, что на послѣдній, потому что онъ говоритъ о смотрѣ, какъ о чемъ то недавно бывшемъ. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что въ 1723 году мы встрѣчаемъ дворянина Никифора Ржевскаго (№ 77), а въ 1724 году дворянина Петра Головачева (№ 70), сопровождающихъ денежную казну изъ Углича въ С.-Петербургъ. Значитъ, указы по которымъ „изъ дворянъ . . . ни хъ какимъ дѣламъ опредѣлять не велѣно“, даны были на смотрѣ 1725 года. Спрашивается, какимъ образомъ дворяне попадали въ счетчики,—по назначенію ли отъ правительства или по выбору отъ своего сословія? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ у насъ нѣтъ, но нѣкоторыя косвенныя данныя заставляютъ предполагать, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто назначеніе. Такъ жена Ивана Бѣлавина въ поданной въ сенатъ челобитной писала, что мужъ ея былъ въ счетчикахъ при кашинскомъ комиссарѣ Иванѣ Зыковѣ „по выборѣ камисара жъ Алексѣя Полунина по неволѣ“ (стрн. 105). Разъ она говорила „по выбору комиссара“, а не по выбору отъ дворянъ, то слѣдуетъ предполагать назначеніе. Въ этомъ укрѣпляютъ насъ и слова воеводы въ названномъ выше доношеніи его, въ которомъ сказано, что данныя на смотру указы запрещаютъ „опредѣлять“ дворянъ въ счетчики (стрн. 53); „опредѣлять“ значитъ, несомнѣнно, назначать, тѣмъ болѣе, что о счетчикахъ изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей говорится въ томъ же доношеніи, что они выбираются. Упомянутые выше дворяне Ржевскій и Головачевъ не были счетчиками въ собственномъ смыслѣ и не именуются таковыми въ указахъ; они лишь посылались вмѣстѣ съ счетчиками изъ посадскихъ людей и изъ подъячихъ, и, какъ сказано о Головачевѣ, посылались „за де-

¹⁾ О счетчикахъ изъ дворянъ воевода Бутурлинъ далъ отрицательный отзывъ: „которые при камисарехъ изъ дворянъ въ щетникахъ и были, и тѣ всѣ явились подозрительные, ибо немалыхъ денегъ не явилось“ (№ 48, стрн. 53).

нежною казною для охраненія въ пути“ (стрн. 106)¹⁾. Эти послѣдніе дворяне, не привлекались къ отвѣтственности за недочетъ, какъ это отмѣчено нами въ своемъ мѣстѣ выше.

По разнообразнымъ преступленіямъ привлекаются къ отвѣтственности подъячіе. Въ 1722 г. сыскивается подъячій С.-Петербургскаго провинціального суда²⁾. Илья Фроловъ, обвиняемый въ побѣгѣ со службы и въ растратѣ пошлинныхъ и канцелярскихъ денегъ (№ 74). Въ томъ же году сыскивается села Кимры подъячій Петръ Васильевъ, „приличившійся“ въ воровскомъ клейменіи гербовой бумаги (№ 75). „По интересному дѣлу Колязина монастыря слуги доносителя Ивана Шестунова“ привлекается въ 1723 г. кашинскій подъячій Василій Купринъ (№ 76). Въ томъ же году дмитровскій подъячій Егоръ Груздевъ требуется въ Москву для правева на немъ крупной суммы денегъ „за продажное кашинское свиное мясо“ (№ 78). Угличскіе подъячіе Василій Поляковъ и Семенъ Помаровъ сыскиваются въ 1724 г. Московской полицеймейстерской канцлеріи по обвиненію въ пособничествѣ побѣгу крестьянина оберъ-аудитора г. Воекова (№ 80). Особенный интересъ представляетъ дѣло о взысканіи начета, наложеннаго на дьяка Уланова съ его наслѣдниковъ (№ 79). У Уланова не было прямыхъ наслѣдниковъ, и потому за выдѣленіемъ четвертой указной части его вдовѣ имущество его предназначалось въ качествѣ выморочнаго къ отписанію на государя, какъ вдругъ объявился наслѣдникъ,—„изъ причетниковъ церковныхъ писарь Алексѣй Кипріяновъ, который до того имѣлъ себѣ прозваніе Смирно, а потомъ въ прошеніи своемъ написался Улановымъ и будто онъ тому дьяку умершему Ивану Уланову правнукъ“. Этотъ новоявленный наслѣдникъ повелъ свое дѣло столь искусно, что не только добился утвержденія въ правахъ наслѣдства, но въ теченіе года успѣлъ распродать обширныя имѣнія Уланова разнымъ лицамъ, среди которыхъ оказались и секретарь юстицъ-коллегіи, и оберъ-секретарь полицеймейстерской канцеляріи, и майоръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и цѣлая вереница подъячихъ. Самое наслѣдство и всѣ эти его продажи показались подозрительными, и на проданныя имѣнія наложено было запрещеніе впредь до разслѣдованія дѣла и взысканія упомянутого казеннаго начета.

¹⁾ Упомянутыхъ дворянъ можно отнести къ „доброму и безопасному конвою“, который сопровождалъ пересылаемую въ столицу денежную казну (см. № 117, стрн. 198, 200; № 118, стрн. 202; № 119, стрн. 203), и вообще къ „провожатымъ“ (см. № 124, стрн. 223; № 136, стрн. 294; № 139, стрн. 297 и др.).

²⁾ См. М. М. Богословскій, назв. сочин., стрн. 237 текстъ и подстрочное примѣчаніе.

Что касается отчетности должностных лиц, то она по собранным актам представляется тройкой: 1) в видѣ окончательнаго учета лица при его отставкѣ или опредѣленіи въ другую должность; 2) в видѣ періодической отчетности должностных лицъ финансоваго управленія, 3) в видѣ чрезвычайнаго учета, который производился нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ сразу за нѣсколько лѣтъ. Подъ первую категорію подходят: учетъ подъячаго Егора Дружинина, бывшаго въ Бѣжецкѣ надсмотрщикомъ у крѣпостныхъ дѣлъ и затѣмъ въ Угличской провинціи молодымъ подъячимъ у прихода и расхода денежной казны, при отпускѣ его въ посадь „для того, что онъ посадцкаго отца сынъ“ (№ 9), учетъ комиссара Аники Непейцына¹⁾ при отставленіи его отъ должности (№№ 22 и 55), подчиненнаго комиссара Ивана Кувшинова при отсылкѣ его въ военную коллегію (№ 54), кашинскаго комиссара Алексѣя Полушина при опредѣленіи его къ другимъ дѣламъ (№ 56). Ко второй категоріи относятся отчеты, о которыхъ говорится въ реестрѣ непредставленныхъ рапортовъ и отчетностей солянскихъ головъ (№ 64). Наконецъ, подъ третью категорію подходитъ изданное въ 1722 году юстицъ-коллегіей предписаніе: „счесть прежнихъ лѣтъ надсмотрщиковъ (с. у крѣпостныхъ дѣлъ) присутствующихъ городовъ къ Ярославскому надворному суду и нынѣшнихъ и юстицкихъ дѣлъ подъячего, которой у приходу и у расходу былъ по 722 годъ для щету съ приходными и расходными книгами и съ канцелярскими деньгами“ (№ 81).

Послѣдняя мѣра вызвала между прочимъ довольно интересное столкновеніе вѣдомствъ въ предѣлахъ Угличской провинціи. Для взятія надсмотрщиковъ къ учету отправлены были изъ Ярославскаго надворнаго суда въ Угличскую провинцію подъячій Дмитрій Судаковъ и солдатъ Миронъ Воронковъ. Посланные явились между прочимъ въ Бѣжецкій Верхъ и взяли оттуда надсмотрщика Ивана Буркова съ товарищами и съ книгами по наказу подъ карауломъ. Когда они прибыли въ Угличъ, то тутъ произошло нѣчто довольно необычное, вѣроятно, и для того времени: воевода Бутурлинъ прислалъ къ нимъ на постоянный дворъ человекъ десять молодцовъ, которые и отбили изъ подъ караула Буркова и писцовъ. Тогда былъ отправленъ изъ Ярославскаго надворнаго суда грозный указъ въ Бѣжецкую

¹⁾ Не одно и то же ли это лицо съ Анякой Петровымъ Непейцынымъ, значащимся въ реестрѣ выборныхъ земскихъ комиссаровъ Угличской провинціи на 1724 годъ (см. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., Приложенія, стр. 41)? Вѣдь при опискахъ писцовъ подобное искаженіе фамиліи возможно.

судныхъ и розыскныхъ дѣлъ канцелярію (№ 82, стр. 121), въ которомъ предписывалось взять Буркова и писцовъ „за ихъ показанную противность уже скованными“. Этому указу въ Бѣжецкой канцеляріи испугались и стоявшій во главѣ ея „по отъѣздѣ господина судьи въ Москву къ смотру“ подъячій Василій Власовъ послалъ отъ себя указъ бурмистрамъ Бѣжецкой земской избы, въ которомъ передать имъ обо всемъ случившемся и о грозномъ указѣ надворнаго суда и въ заключеніе писалъ: „а ежели оному подъячему (Судакову) съ солдаты оныхъ надсмотрщика (Буркова) и писцовъ въ чемъ остановку учините, и о томъ вамъ въ Бѣжецкую судныхъ и розыскныхъ дѣлъ канцелярію отвѣтствовать вѣдѣніемъ немедленно, понеже того за неотданіе чего бѣ на Бѣжецкой судныхъ и розыскныхъ дѣлъ канцеляріи не взыскалось“ (№ 82, стр. 121—122). Но Бѣжецкіе бурмистры не испугались; разслѣдовавъ дѣло, они сообщили Бѣжецкой канцеляріи судныхъ и розыскныхъ дѣлъ о тѣхъ причинахъ, по которымъ воевода воспротивился взятію Буркова съ товарищами для учета въ Ярославскій надворный судъ (№ 82, стр. 122—124). Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Бурковъ и писцы Несторъ Сусленниковъ и Михайло Великовъ были опредѣлены въ 1720 г. къ крѣпостнымъ дѣламъ изъ посадскихъ людей только временно впредь до назначенія правительственныхъ надсмотрщика и писцовъ. Въ апрѣлѣ 1721 года прибыли въ Бѣжецкъ назначенный изъ юстицъ-коллегіи надсмотрщикъ Алексѣй Вергуновъ съ товарищами и служба Буркова съ товарищами прекратилась. За время нахожденія у крѣпостныхъ дѣлъ Бурковъ съ товарищами подлежали учету и съ этой цѣлью еще въ апрѣлѣ 1721 года положили свои книги въ Угличской провинціальной канцеляріи и „слѣдовались“ въ ней¹⁾. Когда Судаковъ съ солдатами взялъ Буркова и писцовъ подъ караулъ, воевода усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе своей власти и помѣху производимому имъ разслѣдованію и потому отбилъ ихъ изъ подъ караула. Объ этомъ воевода сообщилъ во все инстанціи, куда слѣдовало, и въ объясненіяхъ своихъ ссылался еще на указъ Правительствующаго Сената, по которому „велѣно посланному изъ Юстицъ-коллегіи на Балахну судѣ капитану князь Ивану Мещерскому и прочимъ оной коллегіи судьямъ посадскихъ людей не вѣдать и дѣлъ, которые у нихъ въ земскихъ избахъ есть, не имать, для того по именному Е. И. В. указу прошлаго 720 году оныхъ

¹⁾ См. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 117 и слѣд.

посадскихъ людей велѣно вѣдать въ канцеляріи главного магистрата“. Начиненные доводами воеводы, бѣжецкіе земскіе бурмистры заключили свое „вѣдѣніе“ слѣдующимъ исполненнымъ сознаніемъ собственного достоинства заявленіемъ: „и по вышеписаннымъ Е. И. В. указомъ оныхъ подъячихъ къ высылкѣ въ Ярославской Надворной Судъ отдать не надлежитъ, а о насильномъ пріѣздѣ вышеписанного подъячего Судакова съ солдатами и въ приходѣ на дворъ ево Буркова безъ сповѣдѣнія нашего писать будемъ въ канцелярію главного магистрата и въ канцелярію провинціи Углицкой“.

Неисполненіе указовъ центрального правительства на мѣстахъ было весьма распространеннымъ явленіемъ, можно сказать, хроническою и эпидемическою болѣзнію того времени. Исслѣдователямъ реформы Петра Великаго приходится постоянно считаться не только съ тѣмъ, что было установлено указами, но и съ тѣмъ, что изъ нихъ дѣйствительно было введено въ жизнь. Это касается и общихъ, такъ сказать, организаціонныхъ указовъ. Тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ частнымъ указамъ, въ которыхъ предписывалось отдѣльное исполненіе какого либо общаго указа. Сравнительная статистика исполненныхъ и неисполненныхъ указовъ въ Углицкой провинціи за избранный нами періодъ была бы весьма интересна и поучительна. Мы лишены возможности представить ее, такъ какъ мы ограничились матеріаломъ однихъ лишь указныхъ книгъ съ встрѣчающимся въ нихъ производствомъ и не исслѣдовали всего дѣлопроизводства провинціальной канцеляріи. Выдѣленный нами особый третій отдѣлъ о неисполненіи указовъ на мѣстѣ преслѣдуетъ болѣе скромную цѣль: онъ имѣетъ въ виду показать, какія мѣры принимало центральное правительство въ борьбѣ съ этимъ зломъ, а также привести нѣсколько характерныхъ случаевъ неисполненія, проливающихъ особый свѣтъ на нравы провинціальной администраціи и мѣстнаго общества.

Существовала цѣлая градація мѣръ, которыя принимало правительство противъ неисполненія указовъ на мѣстѣ. Низшей и самой мягкой мѣрой являлось простое разъясненіе, которое дѣлало центральное учрежденіе учрежденію мѣстному. Такое разъясненіе дано было углицкому воеводѣ и рентмейстеру въ 1723 г. по поводу присылки ими денежной казны безъ особой росписи ея по отдѣльнымъ сборамъ (№ 88), а также въ 1725 г. разъяснена Ямской канцеляріей специальная подсудность ямщиковъ, которую нарушалъ воевода, привлекая ихъ въ неподлежащихъ случаяхъ къ своему суду (№ 95). На ряду съ такими

подтвердительными разъясненіями можно поставить простой запросъ высшаго учрежденія, почему то или другое требованіе или порученіе не исполнены, и тѣ объясненія, которыя представляли въ отвѣтъ учрежденія подчиненныя (№ 86). При затажномъ, такъ сказать, неисполненіи дѣлались общія напominанія, которыя обычно сопровождались приложеніемъ реестровъ неисполненныхъ порученій, непредставленныхъ рапортовъ, донесеній, отчетовъ и т. п. (№№ 64, 83, 84). Наиболѣе распространеннымъ средствомъ побужденія къ исполненію указовъ являлась присылка повторныхъ (нпр. №№ 38, 80, 175) и даже третичныхъ (№ 67, стр. 95) указовъ. Иногда въ повторныхъ указахъ содержалось характерное предписаніе о томъ, что бы соответственное учрежденіе его исполнило, „не отписываясь впредь“. (№ 38, стр. 30). Хотя нами и отмѣченъ особый терминъ „третичный указъ“, по мы должны оговорить, что было бы ошибкой понимать выраженіе „повторный указъ“ въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ повторные указы посылались по нѣскольку разъ. Повторный указъ съ подтвержденіемъ иногда назывался еще „послушнымъ указомъ“ (№ 33, стр. 25; № 35, стр. 27). Повторный указъ съ подтвержденіемъ содержалъ въ себѣ перѣдко угрозу штрафомъ на случай неисполненія (см. нпр. № 85, стр. 128; № 87, стр. 130). Въ указахъ назначались сроки для ихъ исполненія: по регламенту шестинедѣльный (№ 52, стр. 64) или же болѣе краткіе, нпр., двухнедѣльный (№ 73, стр. 110), недѣльный (№ 92, стр. 137), трехдневный (№ 91, стр. 135 № 136, стр. 294). Въ одномъ случаѣ, требованіемъ особой поспѣшности, воевода назначилъ комиссару двухдневный срокъ (№ 97, стр. 146). Въ видахъ особой поспѣшности исполненія центральныя учрежденія предписывали иногда присылать требуемые ими вѣдомости „съ нарочнымъ на почтахъ“ (см. № 129, стр. 265).

Повторные указы перѣдко только затягивали переписку и не приводили къ положительному результату. Поэтому центральное правительство въ болѣе важныхъ случаяхъ, особенно же въ „интересныхъ“, т. е. денежныхъ дѣлахъ прибѣгало къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ воздѣйствія: командировало отъ себя на мѣста особыхъ лицъ, преимущественно военныхъ, для совершенія извѣстнаго порученія и главнымъ образомъ для „понужденія“ мѣстныхъ властей. Эти лица либо отправлялись только по одному дѣлу, либо прикомандировывались къ провинціи для постоянного „понужденія“ ея должностныхъ лицъ къ исполненію указовъ.

Спеціальныя исполнители одного какого-либо порученія посылались иногда сразу же при изданіи самаго указа, когда высшее учрежденіе настанвало на особенной скорости исполненія и имѣло основаніе сомнѣваться въ готовности и исправности подчиненныхъ мѣстъ и лицъ. Такъ, въ 1722 году при изданіи указа объ учетѣ надсмотрщиковъ крѣпостныхъ дѣлъ и юстицкаго подъячаго немедленно же былъ командированъ Ярославскимъ надворнымъ судомъ для взятія указанныхъ лицъ подъячий Судакъ съ солдатами (№ 81). Обыкновенно спеціальныя исполнители и понудители командировались въ случаяхъ предварительнаго неисполненія указовъ при ихъ подтвержденіи. Такъ, въ февралѣ 1723 года посланъ былъ изъ Ярославскаго надворнаго суда сержантъ Дмитрій Колтовской за подъячими, которыхъ воевода не присылалъ, отчего въ надворномъ судѣ „во исправленіи дѣлъ учинилась всеконечная остановка“ (№ 33, стр. 25). Въ сентябрѣ того же года прибылъ урядникъ Ѳедоръ Карачинской съ солдатами для взятія въ Ярославскій надворный судъ къ слѣдствію кашинскаго подъячаго Василія Куприна, котораго воевода не представилъ своевременно (№ 76). Въ апрѣлѣ 1725 г. посланы „для принужденія къ поставкѣ соли подрядчиковъ изъ Нижняго Новгорода до верховыхъ городовъ, которая отпущена въ прошломъ 724 году по берегу Волги рѣки, прапорщики Степанъ Шоринъ, Иванъ Басмановъ и съ нимъ солдатъ два человѣка“ (№ 176). Въ декабрѣ 1725 г. камеръ-коллегія командировала гарнизоннаго солдата Ивана Алексѣева для понужденія воеводы къ составленію непредставленныхъ въ срокъ и запущенныхъ вѣдомостей о доимочныхъ деньгахъ, о провьянѣ и фуражѣ (№ 92).

Для постоянного понужденія воеводы, камерира и другихъ должностныхъ лицъ были прикомандированы къ Углической провинціи: сначала лейбъ-гвардіи унтеръ-офицеръ Иванъ Черевинъ, а съ апрѣля мѣсяца 1723 года лейбъ-гвардіи солдатъ Ѳедоръ Левашевъ (см. № 90, стр. 135)¹⁾. Этимъ постояннымъ понудителямъ посылались одновременно съ указомъ воеводѣ и камериру особые указы о „понужденіи“ къ исполненію именно даннаго указа (см., нпр., № 89, стр. 132). Имъ же поручался править штрафа на воеводѣ и камерирѣ, нпр. въ 1721 г. предписывалось Черевину „доправить (на воеводѣ и камерирѣ) штрафа съ полученія оныхъ вторыхъ указовъ по полтинѣ на день“ (№ 85). Въ

болѣе важныхъ случаяхъ, особенно, когда былъ замѣшанъ казенный интересъ, предоставлялись въ распоряженіе командированныхъ солдатъ весьма энергичныя средства понужденія. Въ январѣ мѣсяцѣ 1724 года въ виду непоступленія сборовъ на подрядѣ провьянта и фуража для войскъ велѣно лейбъ-гвардіи солдату Левашеву: „буде онъ камисаровъ усмотритъ, что въ дистриктахъ определенныхъ имъ збирають оныя деньги оплошно, и на такихъ велѣно наложить чѣппи и ихъ возить по уѣздамъ скованныхъ потамѣсть, какъ сполна зберуть, и въ томъ принуждать ихъ на крѣпко жъ, что бѣ всемѣрно оныя деньги въ семь Генварѣ мѣсяцѣ собраны были сполна безъ доимки и въ указные мѣста отправлены“ (№ 91, стр. 136)¹⁾. Подобныя полномочія гвардейскихъ солдатъ не оставались мертвой буквой на бумагѣ, но осуществлялись въ дѣйствительности. Такъ въ доношеніи воеводы въ камеръ-коллегію отъ 6 октября того же 1724 года сказано: „камисары за свое неисправленіе уже скованы, воезтаца подѣ карауломъ не малое время“ (№ 41, стр. 33). Рѣшительныя мѣры понужденія предназначались въ иныхъ случаяхъ и для воеводы съ камериромъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1725 г. отправленъ былъ камеръ-коллегіей въ Угличъ гарнизонный солдатъ Иванъ Алексѣевъ для взятія непредставленныхъ вѣдомостей о доимочныхъ деньгахъ, о провьянѣ и о фуражѣ. Камеръ-коллегія въ указѣ своемъ сообщала воеводѣ и камериру (№ 92): „оному солдату... по пріѣздѣ своемъ неотмѣнно тѣ вѣдомости по формѣ забрать у васъ въ недѣлю. А ежели вы тѣхъ вѣдомостей оному посланному салдату въ недѣлю не отдадите, и за то велѣно ему салдату тебя воеводу держать въ кемерирской канторѣ непеходно, а камерира и земскихъ писарей и подъячихъ—скованныхъ до тѣхъ мѣстъ, какъ вы тѣ вѣдомости противъ посланныхъ формъ здѣласте и оному салдату отдадите“ (стр. 137). Высокое въ провинціи положеніе воеводы и камерира не избавляло ихъ отъ фактическаго примѣненія подобныхъ мѣръ воздѣйствія. Понудители съ нимъ не церемонились. Такъ, извѣстный намъ лейбъ-гвардіи солдатъ Ѳ. Левашевъ писалъ воеводѣ и камериру: „Благородный господинъ провинціи Углической воевода да камериръ, въ нынѣшнемъ 1723 г. въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ я васъ понуждалъ въ счетъ всякихъ сборовъ сборщиковъ, на которое понужденіе отвѣтствія не получилъ. Того ради извольте считать

¹⁾ О гвардейцахъ въ роли органовъ надзора въ провинціи см. *М. М. Бюловскій*, назв. сочин., стр. 311—321.

¹⁾ Срвн. № 90, стр. 134: „камерировъ самихъ, а у губернаторовъ и вице-губернаторовъ и у воеводъ подчиненныхъ и секретарей въ неисправленіи въ тѣхъ зборѣхъ держать за карауломъ въ тюрьмѣ, а камисаровъ возить по уѣздамъ скованныхъ“.

въ немедленномъ времени, а пока не сочтете...., держаны будете подъ карауломъ“¹⁾.

Постоянные понудители давали въ своей дѣятельности отчетъ центральнымъ учреждениямъ. Такъ, лейбъ-гвардіи солдатъ Левашевъ обязывался въ „Камеръ-калегію репортовать еженедѣльно“ о поступленіи сборовъ, взимаемыхъ при его содѣйствіи (№ 91, стрн. 136). Состоящіе для надзора гвардейцы вводились во всѣ подробности служебной жизни провинціи и отправляли въ ней повседневныя функціи и безъ специальныхъ указовъ о понужденіи. Камеръ-коллегія сообщаетъ, напримѣръ, солдату Черевину о переводѣ подъячаго Петра Полунина отъ камерирскихъ дѣлъ въ канцелярію воеводы (№ 5, стрн. 6). Солдатъ Левашевъ отправляетъ въ Петербургъ счетчика съ денежной казной (№ 77).

Обыкновенно мѣстные учрежденія подолгу отписывались отъ разнаго рода требованій, предъявлявшихся къ нимъ центральнымъ правительствомъ. Бывали однако случаи, когда центральныя учрежденія проявляли крайнее нетерпѣніе и первую торопливость въ требованіи исполненія указовъ. Это случалось тогда, когда дѣло шло о казенныхъ сборахъ, поступленіе которыхъ было необходимо для удовлетворенія какой-либо важной государственной, преимущественно военной, надобности. На 1724 годъ назначенъ былъ сборъ на покунку провьянта и фуража для войскъ. Камеръ-коллегія, не получивъ, до 8 янв. 1724 г., никакихъ рапортовъ о поступленіи этого сбора, обезпокоилась и немедленно забила тревогу. Посланъ былъ въ провинцію строгій повторный указъ, который грозилъ воеводѣ и камериру, что если отъ неисправности въ сборѣ войска станутъ терпѣть нужду, „то взыщется на васъ зъ жестокимъ по указу истязаніемъ и разореніемъ вашихъ имѣній (№ 91, стрн. 136); тотъ же указъ предписывалъ лейбъ-гвардіи солдату Левашеву наложить на комиссаровъ цѣпи и возить ихъ скованными по уѣзду.

Характеренъ случай неисполненія указа о невмѣшательствѣ воеводы и камерира въ сборы съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ и крестьянъ. Указъ объ этомъ былъ изданъ при самомъ открытіи Святѣйшаго Синода 14 февр. 1721 года²⁾, а 17 іюля того же года воевода жаловался въ камеръ-коллегію: „монастырскихъ де вотчинъ прикащики и старосты и выборные во всякихъ сборѣхъ чинятца ослушны и податей платить никакихъ не хотятъ, а сказываютъ, что де имъ изъ Духовнаго Правительствую-

щаго Синода зборовъ никакихъ комиссаромъ платить не повелѣно, и въ вотчины ихъ вѣзжать, а повелѣно имъ всякіе зборы съ нихъ збирать по присланнымъ указомъ изъ оного Синода“ (стрн. 138—139). Въ тотъ же день воевода и камериръ отправили такую же жалобу въ Сенатъ (стрн. 139—140), куда жаловался на нихъ въ свою очередь архимандритъ Николаевского Антоньева монастыря. И камеръ-коллегія, и Сенатъ разъяснили воеводѣ и камериру ихъ неправоту и прислали имъ подтвердительные указы (№№ 93 и 94) объ изыятіи церковныхъ земель изъ вѣдѣнія общей администраціи, о невмѣшательствѣ послѣдней въ сборы съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ и крестьянъ. При этомъ Сенатъ наказывалъ воеводѣ: „а въ Сенатъ впредь о такихъ дѣлѣхъ тебѣ не писать, а писать о такихъ дѣлѣхъ, о которыхъ Его Великаго Государя указомъ писать повелѣно“¹⁾ (стрн. 140).

Упорно не исполнялись въ Угличской провинціи указы о новомъ способѣ выдѣлки кожи. Въ 1715 г. разосланъ былъ по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ печатный указъ, которымъ предписывалось выслать отъ каждаго города въ Москву по нѣскольку человекъ для обученія новому способу выдѣлки кожи съ ворваннымъ саломъ по заморскому образцу; назначенъ былъ двухлѣтній срокъ для усвоенія новаго способа производства, и съ 1718 года запрещалось выдѣлывать кожу старымъ способомъ съ дегтемъ подъ угрозой жестокаго наказанія, ссылки въ каторгу и лишенія имѣнія. Не смотря на всю указанную строгость, въ Угличской провинціи указъ не исполнялся: учениковъ не высылали, кожу выдѣлывали по прежнему и воевода и посадскія власти хранили упорное молчаніе по поводу самаго указа. Въ 1719 и 1720 гг. отправлены были бергъ-коллегіей подтвердительные циркулярные указы во всѣ губерніи и провинціи, въ томъ числѣ и въ Угличскую, но въ послѣдней они по прежнему не произвели никакого дѣйствія. Тогда 16 января 1721 года послѣдовалъ изъ бергъ-коллегіи специальный указъ въ Угличскую провинцію (№ 96), въ которомъ подтверждались предшествовавшія требованія о высылкѣ учениковъ въ Москву для обученія и запрещеніе выдѣлывать кожу по старому и налагался штрафъ на воеводу и бурмистровъ за явную ихъ „въ ономъ дѣлѣ противность и ослушаніе“. Такъ какъ Угличская провинція отстала въ кожевенномъ дѣлѣ отъ другихъ, то относительно

¹⁾ М. М. Богословскій, назв. сочин., стрн. 315.

²⁾ См. М. М. Богословскій, назв. сочин., стрн. 122.

¹⁾ О фактическомъ вмѣшательствѣ общей администраціи въ сборы съ церковныхъ земель см. М. М. Богословскій, назв. сочин., стрн. 124—126.—Срвн. актъ № 102.

нея сдѣланы были въ указѣ 1721 г. нѣкоторыя особыя распоряженія временнаго и переходнаго, такъ сказать, характера, именно: приказано было всѣ наличныя „обуви стараго дѣла кожъ“ и „старого дѣла юфти“ отнести на государя, и „доколь тѣ ученики науку примуть, на обувь кожи покупать дѣланные новымъ манеромъ въ другихъ провинціяхъ, гдѣ такого дѣла кожи есть, а старымъ манеромъ кожевнымъ промышленникамъ кожъ на обуви отнюдь дѣлать не велѣтъ“ (стрн. 145). Тѣмъ же кожевнымъ промышленникамъ, которые дѣлали юфть „въ отпускъ за моря“, повелѣно было, „что бѣ въ дѣланіи новымъ манеромъ кожами удовлетворяли они прежде въ Углицкой провинціи, и тогда бѣ въ чужія края по старому манеру кожи дѣлали бѣ и отпускали, что за расходомъ отъ онаго останетца“ (стрн. 145). Указъ 1721 г. (стрн. 143) перечисляются промышленники Углицкой провинціи, занимавшіеся кожевнымъ дѣломъ. Грозный указъ возымѣлъ свое дѣйствіе на воеводу, и онъ сталъ предписывать исполненіе его подчиненнымъ властямъ (№ 97)¹.

Въ отдѣлѣ четвертомъ помѣщено нѣсколько актовъ, которые могутъ служить образцами формъ дѣлопроизводства. Здѣсь прежде всего находимъ (№ 98) копіи расписокъ разнаго рода мѣстныхъ учреждений, какъ то: Угличскаго нижняго суда²), канцеляріи судебныхъ и розыскныхъ дѣлъ Угличскаго провинціи, Чамеровской канцеляріи судебныхъ и розыскныхъ дѣлъ,—въ пріемъ и отпускъ указовъ. Изъ этихъ расписокъ мы узнаемъ нѣкоторыя подробности канцелярскаго быта. Указы пересылались изъ провинціальной канцеляріи съ „разсылчиками“, каковыми являлись солдаты, состоявшіе при канцеляріи для посылокъ (срвн. № 13, стрн. 12)³). Въ канцеляріяхъ находились „дневальные писцы“, исполнявшіе функціи современныхъ намъ дежурныхъ чиновниковъ. Нерѣдко указы отправлялись въ уѣзды съ „оказіей“,—съ „прилучившимся человѣкомъ“. Такъ, подъячій камеръ-коллегии Мина Петровъ⁴), случайно бывшій въ Углицѣ по дорогѣ въ Бѣжецкъ, забираетъ

¹) Послѣ указа 1721 года были отправлены изъ Угличскаго провинціи ученики въ Москву и вообще послѣдовало исполненіе всѣхъ требованій. Цѣлое производство по кожевному дѣлу войдетъ во II томъ нашихъ актовъ въ отдѣлѣ XIV-ый.

²) Какъ оказывается изъ этихъ расписокъ, нижній судъ дѣйствовалъ въ Углицѣ еще 23 апрѣля 1722 г.—См. *М. М. Ботословскій*, назв. сочин., стр. 235—236.

³) Точно также названъ „розсылчикомъ“ солдатъ Степанъ Голосовъ, отправленный въ 1723 г. въ Кашинь для взятія сояного годовы съ денежной казной (№ 117, стрн. 199; срвн. № 13, стрн. 12). См. тоже № 17, стрн. 15—„розсылчиковъ“ Бѣжецкой канцеляріи.

⁴) О подъячемъ Минѣ Петровѣ см. № 17, стрн. 14.

туда съ собою указы. По такой же оказіи отвозить пакеты съ указами въ свой городъ кашинецъ посадскій человѣкъ Василій Андреевъ сынъ Ванчаковъ. При обычной почтовой пересылкѣ указы и другія бумаги сдавались подъ расписку ямскому старостѣ (см. № 133, стрн. 288).

Особенно важныя, „нужныя“ указы разсылались изъ Петербурга по провинціямъ съ нарочнымъ солдатомъ, которому провинціальныя власти выдавали прогонныя деньги на основаніи особаго имѣвшагося у него указа; съ этого указа мѣстные учрежденія снимали копію для оправданія своихъ выдачъ, а подлинный указъ о прогонахъ оставался у солдата (№ 99).

Наиболѣе распространеннымъ способомъ обнародованія Высочайшихъ указовъ было чтеніе ихъ по церквамъ, куда разсылали ихъ провинціальныя власти, отдавая понамъ „съ росписками“. Копіи съ этихъ расписокъ представлялись затѣмъ въ центральныя учрежденія въ доказательство, что обнародованіе совершилось (№ 100, стрн. 151). Мы видимъ, что рассылку указовъ по церквамъ города Углича и Угличскаго уѣзда воевода возлагалъ на архимандрита угличскаго Воскресенскаго монастыря (№ 100).

Въ особо важныхъ случаяхъ центральное правительство не довольствовалось общимъ обнародованіемъ своихъ указовъ на мѣстахъ и требовало спеціальнаго объявленія ихъ мѣстными властями подлежащимъ лицамъ съ отобраніемъ отъ нихъ подписки въ выслушаніи указа съ обязательствомъ его исполненія. Такъ, въ 1721 году повелѣно было воеводѣ „кожевникамъ и сапожникамъ, которые тѣ обуви дѣлають, и прочимъ людямъ, кои онымъ промышленяють, имянные Его Великого Государя указы, каковы состоялись въ 715 г. и въ 718 годѣхъ, и съ прикладываніемъ рукъ, призвавъ ихъ, подтвердить“ (№ 96, стрн. 145). Въ 1724 году сельскіе старосты давали подписки въ томъ, что „выслушавъ указъ Е. И. В. о двою написныхъ мужеска пола дунахъ, буде что которой вотчинны у насъ показано, и о тѣхъ двою написанныхъ идтить въ Кашинь (вообще въ свой уездный городъ) и подавать доношенія“ (№ 104, стрн. 154).

Дѣла финансоваго управленія рѣшались совмѣстно воеводой и камериромъ и соотвѣтственныя постановленія писались отъ лица ихъ обоихъ: „ближней стольникъ и воевода Федоръ Емельяновичъ Бутурлинъ, да господинъ камериръ Иванъ Михайловичъ Мясоѣдовъ, слушавъ сей выписки, приказали“ (№ 101). Во многихъ случаяхъ подобныя постановленія писались не отъ лица воеводы и камерира, а отъ имени провинціальной канце-

лярин и конторы камерирского правления¹⁾. Таким образом во внешней форме постановления проявлялось преобладание канцелярии над установленной законом единоличной властью воеводы и камерира. Для выяснения действительного влияния канцелярии на решение дел необходимо анализ бытовых данных, которые конечно не оставили следа в актах формального бумажного производства. В последних можно лишь отметить ту лазейку, чрез которую пробиралась неуловимая власть секретарей и подъячих. Именно, воевода и камерир делают все свои постановления не иначе, как „слушавъ выписки“; выписка же как из фактического матерьяла дела, так и из законов составлялась канцелярией; само собою разумеется, что то или другое содержание выписки во многом предопределяло решение воеводы или воеводы и камерира вместе²⁾. Создаваемое населением значение канцелярии приводило к тому, что в иных случаях стороны обращались к секретарю с заявлением о незаконных действиях воеводы; но, как и следовало ожидать, ведущий свою линию секретарь откровенно заявлял просителю, что „онъ за него съ вышними остужатца не будетъ“ (№ 109, стрн. 168).

При приеме денежных сборов учреждения выдавали вносившим их счетчикам квитанции, которые затем прилагались к делам в качестве оправдательных документов. Так, у нас приведена квитанция (№ 102), выданная в 1723 году С.-Петербургским обер-рентмейстером А. Тихомировым в прием денежных казны разного рода сборов с находившихся в Угличской провинции вотчин Троицкого Александро-Невского монастыря от крестьянина этого монастыря села Прилукъ Ивана Никифорова. По возвращении из Петербурга Никифоров предъявил квитанцию управителю монастырских вотчин Софрону Макарьеву, который в свою очередь представил ее воеводе, причем просил последнего выдать ему засвидетельствованную копию упомянутой квитанции „для вотчинного оправдания“ (№ 102, стрн. 152—153)³⁾. Такие же квитанции вы-

¹⁾ См. № 130, стрн. 272; № 166, стрн. 365, 367, 371, 376. В виду формулы, приведенной под № 101 и являющейся не единичным случаем, а образчиком многих случаев, нельзя согласиться с тем, что единственно обычным порядком была формула: „канцелярия провинции... и кантора камерирского правления... приговорили“. Срн. М. М. Богословский, назв. сочин. стрн. 132.

²⁾ Недаром по одному делу Ярославский надворный суд писал воеводе О. Е. Бугурлину в 1724 году: „а тѣ де дѣла прежде бывшій воевода (ландратъ) Нарышкинъ также и ты, Бугурлинъ, вершили по неправымъ выпискамъ неправдою“ (№ 108, стрн. 164).

³⁾ Управитель монастырских вотчин представил подлинную квитанцию воеводе; он же просил воеводу засвидетельствовать посланную им копию пе-

давались наместу Угличской рентерией за подписью рентмейстера (№ 126, стрн. 261). Заметим, кстати, что употребленный в данном случае термин „квитанция“¹⁾ замѣнялся в других случаях равнозначущим русским термином „отпись“ (№ 46, стрн. 45; № 86, стрн. 129; № 127, стрн. 262—264; № 135, стрн. 292 и др.), а „оправдание“ называлось также „очисткой“ (№ 43, стрн. 35; № 90, стрн. 133).

Разъ зашла речь о денежных сборах, не лишне будетъ сказать два слова о канцелярской технике их приема и пересылки. Казенные деньги принимались „на щетъ и на всеъ“ (№ 70, стрн. 106) и пересылались в мешках (№ 50, стрн. 57—58), а также в бочках и коробках (№ 70, стрн. 106; № 137, стрн. 295), за печатями, целостность которых повѣрялась при приеме (см., напр., № 70).

Введение Угличской рентерии о расходе денежной казны на приказные и на прочие всякие расходы (№ 105) знакомит нас с канцелярским бюджетом Угличской провинции на протяжении 1719—1725 г. (срн. № 13, стрн. 10—11).

В отделе нятюм помещены образцы форм судопроизводства. Из приведенных в этом отделе десяти актов семь относятся ко времени после судебной реформы 1722 года, и только три акта (№№ 110, 113 и 115)—ко времени, предшествовавшей этой реформе. Один из трех актов (№ 115) представляет собою указ адмиралтейской коллегии от 21 дек. 1720 г., предписывающий воеводе возвратить помещикам Терпигоровым неправильно, по недоразумению, конфискованное у них в административном порядке имение. Акт этот с производством приведен нами, как образец исполнительного производства по восстановлению в правах собственности. Исполнение это поручено было не судебным органам, существовавшим в 1719—1722 гг. отдельно от провинциальной администрации, а воеводе, быть может, потому, что самая конфискация произведена была не по суду, а в административном порядке. Другой из ранних актов (№ 113) представляет собою именной Высочайший указ от 4 мая 1720 г., которым

реписных книг (№ 102, стрн. 153). Нельзя не отметить этого случая подчинения монастырского управителя надзору воеводы по сборам с церковных земель, которые в вид общего правила были изъяты из ведения общей администрации (срн. №№ 93 и 94). О том, что Софронъ Макарьевъ, звание которого не обозначено в акте № 102, был управителем монастырских вотчин, см. № 126, стрн. 231.

¹⁾ В некоторых указах встречаем вместо квитанции „квитъ“ (№ 141, стрн. 302; № 161, стр. 331).

повелѣвается воеводѣ представить въ Преображенскій приказъ подлинное дѣло, возникшее по челобитью помѣщицы Авдотьи Полуниной, о побѣгѣ ся крестьянина и самого обвиняемого. Такъ какъ въ 1720 г. существовали въ провинціи самостоятельныя судебныя учрежденія, то въ затребованіи судебного дѣла чрезъ воеводу нельзя не видѣть игнорирования центральною правительствомъ его же собственныхъ указовъ объ отдѣленіи суда отъ администраціи¹⁾. Третій актъ (№ 110) относится къ 1719 г. и касается чисто судебного дѣла, тѣмъ не менѣе и въ немъ С.-Петербургскій надворный судъ вступаетъ въ сношенія не съ мѣстными судебными инстанціями, а съ воеводой.

Но большинство приведенныхъ актовъ относится, какъ сказано, ко времени послѣ реформы 1722 года, когда воевода вмѣстѣ съ ассессорами образовали по инструкціи мѣстную инстанцію провинціального суда. Еще 23 апр. 1722 г. существовалъ въ Угличѣ нижній судъ (№ 98); только 20 іюня 1722 г. назначены въ Угличскую провинцію два ассессора, — Афанасій Олсуфьевъ²⁾ и Ѳеодоръ Кречетниковъ (№ 6), такъ что съ этого только времени можно говорить о введеніи въ Углической провинціи новаго суда. Въ Углической провинціи всегда было два ассессора (см. № 6 и № 11)³⁾, и они вмѣстѣ съ воеводой составляли Угличскій провинціальный судъ. Судъ этотъ дѣйствовалъ, но самое названіе его не встрѣчается въ нашихъ актахъ⁴⁾. Челобитныя подаются не въ провинціальный судъ; а въ канцелярію Углической провинціи (№ 106, стр. 159). Указы изъ Ярославскаго надворнаго суда и изъ другихъ высшихъ учреждений по судебнымъ дѣламъ адресуются не въ провинціальный судъ, а воеводѣ „съ товарищи“ (№№ 107, 108, 109), или единолично воеводѣ (№№ 110, 111, 113), или же въ канцелярію воеводскаго правленія (№ 114). Слѣдственные допросы производятся „въ канцеляріи Воеводскаго правленія“ (№ 112, стр. 176; № 114, стр. 182). Судебные приговоры составляются отъ лица воеводы съ товарищами и даже отъ имени канцеляріи воеводскаго правленія: „по указу Е. И. В. ближній стольникъ и правинции Углицкой воевода Ѳеодоръ Емельяновичъ Бутурлинъ съ

¹⁾ Срвн. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 228.

²⁾ А. Олсуфьевъ былъ раньше въ Кашинѣ ландратомъ (№ 66, стр. 92) и затѣмъ тамъ же городовымъ судьей (см. *М. М. Богословскій*, назв. сочин. стр. 237).

³⁾ А не одинъ, какъ это указано у *М. М. Богословскаго*, назв. сочин., стр., 237, прим. 1-ое.

⁴⁾ Между тѣмъ прямо упоминается С.-Петербургскій Провинціальный Судъ, и говорится даже объ его подъячемъ (№ 74, стр. 111).

товарищи, слушавъ сей выписки, приказали“ (№ 106, стр. 162); „по указу Е. В. Г. И. Углицкой правинции канцелярія Воеводскаго Правленія, слушавъ, приказали“ (№ 114, стр. 186). Получается такое впечатлѣніе, будто вмѣстѣ съ возвратнымъ присоединеніемъ суда къ администраціи самое названіе суда потерялось въ канцелярскомъ языкѣ. И только въ одной челобитной 1724 года, поданной въ Ярославскій надворный судъ, встрѣчаемъ мѣсто, въ которомъ говорится, что „Алсуфьевъ въ Канцеляріи правинции Углицкой *при судѣ* ассессоромъ“ (№ 109, стр. 167).

Въ качествѣ низшей по отношенію къ провинціи инстанціи упоминается „судныхъ и розыскныхъ дѣлъ судья“ въ Кашинѣ (№ 112, стр. 172). Въ качествѣ исполнительнаго органа называется „приставъ“ Максимъ Жуковъ, который въ январѣ 1724 г. „посланъ былъ изъ канцеляріи правинции Углицкой по наказу..... съ товарищи въ Бѣжецкой уѣздъ въ усадьбу..... вдовы Попуцкой въ село..... Губачево и въ деревню... Токариху для взятыхъ..... вдовы Попуцкой“ (№ 109, стр. 166). Какъ видно изъ реестра 1725 г. (№ 13, стр. 12), Максимъ Жуковъ состоялъ въ числѣ солдатъ, которые опредѣлены изъ канцеляріи расположенія полковъ въ Угличскую провинцію для посылокъ и карауловъ въ указныя штаты. Въ виду этого можно съ достаточнымъ, думается намъ, основаніемъ предполагать, что приставъ не составлялъ особой должности при провинціальномъ судѣ и что въ приведенномъ выше мѣстѣ дѣло идетъ лишь о специальномъ названіи солдата, посланнаго для исполненія судебного приговора.

Всѣ приведенные нами акты находятся въ связи съ производствомъ судебныхъ дѣлъ въ высшихъ относительно провинціального суда инстанціяхъ. По указу изъ Ярославскаго надворнаго суда отъ 31 іюля 1722 г. (№ 111) воеводѣ предписывается произвести сыскъ помѣщика А. И. Лопатина, обвиняемаго въ убійствѣ. Въ 1725 году по порученію Преображенскаго приказа производится въ канцеляріи воеводскаго правленія допросъ свидетелю, берется на немъ поручная записка, дѣлается требуемая выпись изъ документовъ (№ 112, стр. 176—179), и акты всѣхъ этихъ слѣдственныхъ дѣйствій представляются воеводой въ Преображенскій приказъ (№ 112, стр. 175).

Въ 1724 году Ярославскій надворный судъ¹⁾ утверждаетъ представленные ему, согласно инструкціи, „для опробаши“ при-

¹⁾ Угличская провинція подлежала юрисдикціи Ярославскаго надворнаго суда, или, какъ тогда говорили, „присутствовала“ къ этому суду (см. № 81,

говоры провинціального суда по уголовнымъ дѣламъ о колодникахъ (№ 107). Въ томъ же году Ярославскій надворный судъ требуетъ къ себѣ изъ Угличской провинціи нѣсколько вершен-ныхъ дѣлъ для пересмотра ихъ въ порядкѣ апелляціоннаго производства по челобитію одной изъ сторонъ, жаловавшейся на неправоe рѣшеніе (№ 108). Со словъ челобитчика Д. В. Тютчева Ярославскій надворный судъ писалъ воеводѣ Бутурлину съ товарищами: „а тѣ де ево (Тютчева) дѣла прежде бывшій воевода Нарышкинъ, также и ты, Бутурлинъ, вершили по не-правымъ выпискамъ неправдою“ (стрн. 164). Дѣло идетъ о давнишнихъ дѣлахъ, бывшихъ въ производствѣ еще въ первой половинѣ 1719 года, разъ сказано, что ихъ рѣшалъ еще Нарышкинъ. Отмѣтимъ, что Ярославскій надворный судъ называетъ Нарышкина воеводой между тѣмъ, какъ Нарышкинъ былъ въ Угличѣ не воеводою, а ландратомъ; первымъ послѣ реформы 1719 года воеводой въ Угличѣ назначенъ былъ Бутурлинъ, которому и сдавалъ должность ландратъ Нарышкинъ¹⁾.

По челобитію Бѣжецкаго помѣщика Михаила Ивановича Зеновьева дѣла его, вершенныя въ Угличской провинціи, были взяты отсюда въ 1724 г. къ разсмотрѣнію въ Ярославскій надворный судъ согласно государеву указу въ виду заявленнаго челобитчикомъ „подозрѣнія“ на воеводу съ товарищами (№ 109).

Характерны случаи изъятій изъ обыкновенной подсудности. Въ 1720 г. изъято было изъ провинціи и затребовано по именному высочайшему указу въ Преображенскій приказъ дѣло о побѣгѣ крестьянина помѣщницы Авдотьи Полуниной (№ 113). Въ 1719 году былъ челомъ въ С.-Петербургскій надворный судъ угличанинъ посадскій человѣкъ Григорій Яковлевъ сынъ Столбовъ на неправоe рѣшеніе его дѣла въ 1716 году бурмистрами Угличской земской избы по иску къ нему посадской жены Авдотьи Васильевны Бѣлышевой о безчестьѣ; челобитчикъ просилъ взять его дѣло къ разсмотрѣнію въ С.-Петербургскій надворный судъ, ссылаясь на то, что онъ „здѣшней Санкт-Питербургской житель“. С.-Петербургскій надворный судъ согласился съ доводами челобитчика и потребовалъ къ себѣ какъ вершенное дѣло, такъ и „неправо—рѣшителей бурмистровъ“ (№ 110). Такое постановленіе С.-Петербургскаго надворнаго суда

стрн. 120 и № 111, стрн. 172: „присутствующіе къ Ярославск. надв. суду города“... „присутствующія провинціи“). Терминъ „присутствовать“ употреблялся также въ общемъ смыслѣ: быть подвѣдомственнымъ. См. нпр., № 137, стрн. 295: „... изъ канцеляріи вѣдомства генерала-маэора господина Волкова и присутствующихъ штабъ и гвардіи оберъ офицеровъ“.

¹⁾ См. М. М. Богословскій, назв. сочин., стрн. 74.

было ничѣмъ инымъ, какъ противозаконнымъ изъятіемъ дѣла изъ обыкновенной подсудности, такъ какъ инструкція надворнымъ судамъ прямо указывала на то, что дѣла, рѣшенныя въ городахъ бурмистрами, переносятся въ апелляціонномъ порядкѣ въ магистраты, и предписывала, чтобы надворные суды „до подчиненныхъ главнаго магистрата не касались“¹⁾.

Особое направленіе получали дѣла о словѣ и дѣлѣ государевомъ. 2 марта 1725 года откупщикъ Угличскаго конскаго сбора стремянной Тимофей Никифоровъ сынъ Суворовъ допесъ въ канцелярію воеводскаго правленія, что наканунѣ вечеромъ приходилъ къ нему для записи продажной лошади неизвѣстный человѣкъ и во время записи сказалъ за собою при свидѣтеляхъ Е. В. Г. И. и С. В.—Р. слово; Суворовъ задержалъ его, зако-вать въ желѣза и представить въ канцелярію (№ 114, стрн. 185). Воевода въ тотъ же день (2 марта) допросилъ неизвѣстнаго, который оказался ростовскимъ помѣщикомъ недорослемъ Тимофеемъ Оedorовичемъ Костюринымъ и отрицалъ приписываемое ему заявленіе. Немедленно составленъ былъ приговоръ, по которому постановлено согласно указу все дѣло, а также самихъ Костюрина и Суворова отправить въ Преображенскій приказъ (стрн. 186). Они и были отправлены туда 8 марта съ проважатыми солдатами,—Кирилломъ Долговымъ съ товарищами (стрн. 187). 20 апрѣля 1725 г. послѣдовалъ изъ Преображенскаго приказа указъ, въ которомъ предписывалось воеводѣ до-просить на мѣстѣ свидѣтелей по данному дѣлу угличанъ,—посадскаго человѣка Никиту Возгрина и помѣщика Никиту Елизарова съ женой (стрн. 180—181). Допросъ указанныхъ свидѣтелей былъ произведенъ въ канцеляріи воеводскаго правленія (стрн. 182), и подлинныя допросныя листы немедленно были представлены воеводой въ Преображенскій приказъ (стрн. 184). Все дѣло велось съ совершенно необычной для провинціальныхъ канцелярскихъ правовъ поспѣшностью и было обставлено всевозможными формальностями. Провожатому солдату Кириллу Долгову съ товарищами былъ выданъ воеводою для слѣдованія въ Москву и на обратный путь особый паспортъ (стрн. 187). Доноситель Суворовъ получилъ паспортъ изъ Преображенскаго приказа для возвращенія домой (стрн. 188) и о своемъ увольненіи изъ Преображенскаго приказа извѣстилъ воеводу особымъ доношеніемъ (стрн. 187).

¹⁾ Тамъ же, приложенія, стрн. 23—24.

Исполнительное производство по гражданским дѣламъ, рѣшеннымъ въ надворномъ судѣ, поручалось провинціальному суду по мѣсту нахождения недвижимаго имущества отвѣтчика. Такъ, въ 1723—1724 году въ Угличской провинціи велось производство по взысканію съ угличскихъ имѣній Якова Саввича Мусина-Пушкина денежной суммы, присужденной съ него въ пользу истицы жены капитана И. С. Готовцова по приговору Московскаго надворнаго суда (№ 106). Въ теченіе этого исполнительнаго производства поступила въ канцелярію Угличской провинціи частная жалоба жены Я. С. Мусина-Пушкина: челобитница находила неправильнымъ ту часть приговора Московскаго надворнаго суда, въ которой взысканіе съ ея мужа обращалось и на ея приданное имѣніе, и просила изъять послѣднее изъ взысканія (стр. 159). По приговору воеводы Бутурлина съ товарищами челобитье Мусиной-Пушкиной, какъ не находящее себѣ основанія въ Уложеніи, было оставлено безъ послѣдствій (стр. 163).

Въ приведенныхъ судопроизводственныхъ актахъ содержатся интересныя бытовія данныя насчетъ ассессора Угличской провинціи Афанасія Дмитріевича Олсуфьева и его двоюроднаго брата капитана Дмитрія Ивановича Олсуфьева (№ 109, стр. 166—169). Оба Олсуфьевы чинили вымогательства и насилія, которыя сходили имъ съ рукъ, благодаря связямъ и положенію ассессора, которому мирволить воевода. Не лишенъ интереса и слѣдующій фактъ. Ассессоръ Олсуфьевъ былъ уволенъ въ отставку „за извѣстные ево раны и увѣчья“ 4 іюня 1724 года, (№ 10) а уже въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года не могли его сыскать къ допросу по обвиненію его и его крестьянъ въ насильственномъ завладѣніи чужой пустошью и въ лѣсныхъ порубкахъ; истецъ по этому дѣлу Д. В. Тютчевъ прямо заявилъ въ своемъ челобитіи въ Ярославскій надворный судъ, что Олсуфьевъ не сысканъ „за попоровкою“ (№ 108, стр. 164).

Изъ актовъ, помѣщенныхъ въ шестомъ отдѣлѣ и относящихся къ финансовому управленію, могутъ быть прежде всего извлечены данныя о количествѣ казенныхъ сборовъ, поступающихъ съ Угличской провинціи. Къ сожалѣнію сохранились лишь разрозненные свѣдѣнія. Наиболѣе полную картину даютъ составленныя провинціальною канцеляріей по требованію камеръ-коллегіи въ 1725 г. таблицы поступленій таможенныхъ и канцелярскихъ сборовъ за 1720, 1721 и 1722 годы (№ 125). Въ этихъ таблицахъ указанъ положенный окладъ, цифры дѣйствительныхъ поступленій и изъ послѣднихъ вычислена средняя за

три года сумма, которую предполагалось положить въ основу новаго оклада. Достаточно полны свѣдѣнія о гербовомъ сборѣ, сообщаемыя въ вѣдомостяхъ и вѣдѣніяхъ о поступленіи, продажѣ и наличномъ остаткѣ гербовой бумаги въ Угличской провинціи за время съ 1702 по 1721 годъ (№№ 120 и 121). Относительно соляного сбора имѣются данныя о недоимкахъ за 1716 г. (№ 116) и о количествѣ дѣйствительнаго поступленія за послѣднюю треть 1723 г. (№ 118, стр. 201—202). Наконецъ, имѣются данныя о поступленіи и недоимкахъ сборовъ на дѣло канала за 1719—1722 г. и на городовое строеніе за 1721 годъ (№ 124). Ресстры откупныхъ и оброчныхъ статей 1719—1721 гг. (№№ 133 и 134) даютъ матеріалъ для установленія годичнаго дохода съ этихъ статей по Угличской провинціи.

Особенный интересъ представляетъ указаніе на стрѣleckую подать. Стрѣleckія деньги продолжали собирать и въ XVIII в.¹⁾, по къ 20-ымъ годамъ этого столѣтія онѣ были вытѣснены драгунскими, корабельными, подводными, рекрутными и другими военными сборами²⁾. Вышедшая фактически изъ употребленія стрѣleckая подать тѣмъ не менѣе влияла въ памяти центральныхъ финансовыхъ учреждений, которыя обращались съ запросами объ ея участи въ подчиненныя мѣстныя учрежденія. Въ 1723 г. камеръ-коллегія запрашивала Угличскую провинцію въ специальномъ указѣ (№ 129), продолжается ли съ 1719 году прежній сборъ „окладнаго сошняго стрѣleckаго хлѣба“³⁾ съ городовъ, съ купечества, съ дворцовыхъ и синодальныхъ вотчинъ и съ помѣщичьихъ крестьянъ съ двора и съ рубля. Центральное учрежденіе было въ полномъ невѣдѣніи о судьбѣ этого сбора, и потому спрашивало, куда его расходуютъ, если сборъ дѣйствуетъ; если же сбора больше нѣтъ, то „чѣмъ служилыхъ людей“⁴⁾ и ружниковъ⁵⁾ имѣющихся въ той провинціи довольствуются? У насъ нѣтъ отвѣта воеводы на этотъ запросъ камеръ-коллегіи. По всей вѣроятности, сбора стрѣleckихъ денегъ

¹⁾ См. П. Н. Мрачекъ-Дроздовскій, назв. сочин., стр. 231—232; П. Н. Миллюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVII столѣтія и реформа Петра Великаго, Спб., 1892. стр. 279.

²⁾ П. Н. Миллюковъ, назв. сочин., стр. 654.

³⁾ Относительно удержанія стараго термина „сошный“, см. П. Н. Миллюковъ, назв. сочин., стр. 279, прим. 6-ое.

⁴⁾ Очевидно, имѣются въ виду служилые люди старыхъ службъ. См. П. Н. Мрачекъ-Дроздовскій, назв. сочин., стр. 231.

⁵⁾ Ассигнованія ружнымъ церквамъ и монастырямъ относились въ Угличской провинціи къ приказному расходу (№ 105, стр. 155) и покрывались изъ разныхъ сборовъ мѣстной рентерен (см. № 13, стр. 11).

не было уже въ двадцатыхъ годахъ¹⁾. Весьма характерны однако поиски центральнымъ финансовымъ учрежденіемъ своего рода безвѣстно пропавшей подати, а также недоумѣніе его по вопросу о томъ, какъ удовлетворяются потребности, на которыя предназначалась раньше эта подать.

Сверхъ данныхъ о поступленіи разныхъ сборовъ со всей провинціи, имѣются данныя о такихъ же поступленияхъ съ отдѣльныхъ ея частей. Таковы указанія суммы солиного сбора за первыя двѣ трети 1723 года съ Мологи (№ 117, стрн. 198), Кашина (№ 117, стрн. 199) и Бѣжецкаго Верха (№ 117, стрн. 199—200). Сюда же относится составленная бурмистромъ Мологи посада съ товарищами опись сборовъ, явившихся въ теченіе октября мѣсяца 1721 г. на мѣстныхъ таможенномъ и кружечномъ дворахъ (№ 122). Особая вѣдомость (№ 126) содержитъ подробныя данныя о поступленіи въ 1720—1722 гг. окладныхъ табельныхъ, чрезвычайныхъ, запросныхъ, канцелярскихъ и прочихъ казенныхъ сборовъ съ вотчинъ С.-Петербургскаго Троицкаго Александро-Невскаго монастыря, находившихся въ Угличскомъ и Кашинскомъ уѣздахъ. Нѣсколько квитанцій 1724—1728 гг. (№ 127) даютъ указаніе на суммы подушного и другихъ сборовъ, поступавшихъ съ села Хороброва Угличскаго уѣзда, вотчины Московскаго Новодѣвичья монастыря.

Что касается данныхъ о расходахъ, то таковыя имѣются лишь относительно адмиралтейскаго оклада²⁾. По требованію камеръ-коллегіи представлено было особое вѣдѣніе (№ 123), въ которомъ перечислены дачи въ адмиралтейскій окладъ въ Угличской провинціи въ 1720 году по ассигнаціямъ изъ штатсъ-конторы. Всѣ эти дачи пошли на подрядъ въ Угличъ и поставку оттуда въ Ревель коровьяго масла для флота.

Собранные акты знакомятъ насъ въ извѣстной мѣрѣ съ техникой собиранія податей и налоговъ мѣстными властями. Выше нами отмѣчены тѣ мѣры воздѣйствія, которыя примѣняло центральное правительство къ мѣстнымъ должностнымъ лицамъ, чтобы побудить ихъ къ исправному собиранію съ населенія податей и налоговъ. Повторять этого не будемъ; припомнимъ лишь, что мѣры эти отличались крайней суровостью и даже жестокостью. Само собою разумѣется, что имъ соотвѣтствовали не менѣе,

¹⁾ Въ весьма подробной вѣдомости сборовъ съ вотчинъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря Угличскаго и Кашинскаго уѣздовъ за 1720—1722 гг. (№ 126). Среди окладныхъ табельныхъ сборовъ нѣтъ стрѣleckихъ денегъ, но имѣются зато ямскія и полонянничныя.

²⁾ См. *И. Н. Милоковъ*, назв. сочин., стрн. 500 сл.

если еще не болѣе суровые и жестокіе приемы выколачиванія казенныхъ сборовъ мѣстными властями съ посадскихъ и уѣдныхъ людей. Конечно, эта бытовая, такъ сказать, техника взиманія податей и налоговъ не заносилась въ акты формальнаго производства. Мы можемъ говорить поэтому лишь о техникѣ взиманія казенныхъ сборовъ въ смыслѣ формъ дѣлопроизводства по финансовому управленію.

Въ 1724 году производилось дѣло по взысканію недоимки по нитейной продажѣ за 1717 годъ съ посадскихъ людей Мологи Ивана Неустроева и Ивана Романова (№ 135). Предписаніе о взысканіи недоимки послѣдовало изъ камеръ-коллегіи. Въ силу этого предписанія камериръ отправилъ солдата Степана Голосова въ Мологу для взысканія недоимки. По пріѣздѣ Голосова на мѣсто оказалось, что Иванъ Неустроевъ внесъ числившуюся на немъ недоимку въ два приѣма: въ 1721-омъ и въ 1723-ьемъ году, въ чемъ и представилъ Голосову засвидѣтельствованныя копіи квитанцій (отписей), выданныхъ ему въ приѣмъ съ него денегъ воеводой и разсылыщикомъ Угличскаго магистрата. Что же касается Ивана Романова, то его въ числѣ посадскихъ людей Мологи „не явилось и прѣжъ сего не бывало“. Объ этомъ, равно объ уплатѣ недоимки Неустроевымъ, выдано было солдату Голосову соотвѣтственное удостовѣреніе бургомистромъ Мологи съ товарищами. Хотя дѣло производилось уже послѣ изданія регламента главнаго магистрата, тѣмъ не менѣе воевода принимаетъ дѣятельное участіе во взысканіи недоимки и такимъ образомъ непосредственно вмѣшивается въ кругъ дѣлъ, выдѣленныхъ въ самостоятельное вѣдѣніе магистратской команды.

Сдача казенныхъ сборовъ на откупъ сопровождалась особымъ производствомъ, имѣвшимъ цѣлью возможно лучше обезпечить интересы казны. Съ этимъ производствомъ знакомить насъ указъ изъ камеръ-коллегіи отъ 19 окт. 1720 г. о сдачѣ на откупъ канцелярскихъ мелочныхъ сборовъ въ Бѣжецкѣ (№ 132). На полученіе этого откупа явились два конкурента: Невскаго монастыря крестьянинъ Феодоръ Боковъ и „москвитинъ купецкой челоувѣкъ“ Михаилъ Савинъ, которые и подали челобиття въ камеръ-коллегію, причемъ Савинъ предлагалъ больше надачи противъ Бокова. Камеръ-коллегія предписала воеводѣ и камериру сдать откупъ съ публичныхъ торговъ: „на откупъ канцелярскихъ мелочныхъ сборовъ съ охочими людьми дать торгъ... и о томъ откупѣ публиковать въ народъ листами, и къ тому откупу и торгу призывать и допускать всякихъ чиновъ людей“. Самые торги должны были производиться „зъ запискою и за свидѣтель-

ствомъ фискальскимъ безъ всякаго подлогу и фальши“, съ приложеніемъ рукъ бурмистровъ и откупщиковъ. Откупъ могъ быть сдать не болѣе, чѣмъ на три года, съ уплатою откупныхъ денегъ по третямъ и съ указнымъ штрафомъ въ случаѣ проволочки въ уплатѣ. Съ удержавшагося на торгахъ откупщика бралась поручная записъ, въ которой онъ обязывался „сверхъ указнаго излишняго ничего не прибавлять, а збирать, какъ о томъ указы повелѣваютъ“. Какъ объ отказѣ, такъ и о продленіи откупа откупщикъ долженъ подать челобитную за полгода до истеченія срока (урочныхъ лѣтъ).

Такимъ же производствомъ сопровождалась сдача оброчныхъ статей, какъ это видно изъ дѣла 1724—1725 г. о сдачѣ на откупъ оброчной мельницы въ вотчинѣ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря—селѣ Дятковѣ Гостунскаго стана Кашинскаго уѣзда (№ 130). Въ дѣлѣ сохранилось все производство, протекавшее въ полномъ согласіи съ приведеннымъ выше указомъ. Сдѣлано было троекратное объявленіе объ откупѣ и въ пристойныхъ мѣстахъ выставлены листы въ Кашинѣ и въ Угличѣ (стрн. 270—271, 271—272); сверхъ того посланъ былъ для публикаціи въ Кашинскій уѣздъ становой солдатъ Степанъ Шикаловъ (стрн. 271). Охотниковъ на откупъ по этимъ вызовамъ не явилось, кромѣ прежняго откупщика Нѣмкова. Точно также при самомъ производствѣ торговъ въ конторѣ камерирскаго правленія „по згорѣніи свѣчи кромѣ сво Нѣмкова ко взятію оной мельницы на откупъ никто не явился“ (стрн. 275). Вслѣдствіе этого по приговору канцеляріи Углической провинціи и конторы камерирскаго правленія (стрн. 272) мельница сдана была Нѣмкову согласно его челобитію (стрн. 266—267) на четыре года.

Нѣмковъ давно держалъ эту мельницу. Она была ему сдана еще въ 1717 году на три года; затѣмъ въ сентябрѣ 1719 года откупъ по его челобитію былъ ему продленъ еще на три года, т. е. по 1 янв. 1723 г. (стрн. 269). О дальнѣйшемъ продленіи онъ долженъ былъ подать челобитную за полгода до истеченія урочныхъ лѣтъ (стрн. 270); между тѣмъ онъ подалъ ее только въ декабрѣ мѣсяцѣ 1724 г. (стрн. 267). Такимъ образомъ оказалось, что въ теченіе 1723-го и 1724-го годовъ онъ владѣлъ мельницей „самовольно... безъ прошенія“. За это на него насчитали „наметную наддачу“ (стрн. 272—273), которая и была взыскана съ него при новой сдачѣ ему мельницы на четыре года (стрн. 277—278).

При новой сдачѣ откупа съ Нѣмкова потребовали „поручную записъ зъ добрымъ поруки и со свидѣтельствомъ тѣхъ по-

рукъ по указу, можно-ль имъ будетъ въ томъ откупѣ вѣрить“ (стрн. 273). Нѣмковъ представилъ требуемыя поруки (стрн. 274—275), за собраніемъ которыхъ ѣздилъ въ свой родной городъ Дмитровъ, откуда не являлся въ теченіе болѣе мѣсяца въ Угличъ для платежа пошлины. Тогда Углическая контора камерирскаго правленія затребовала его чрезъ Дмитровскій магистратъ (стрн. 275—276), который его немедленно выслалъ въ Угличъ (стрн. 276). Нѣмковъ внесъ всѣ причитавшіеся съ него платежи и получилъ отъ камерира данную (стрн. 277—278).

Для хозяйственной характеристики откупа оброчной мельницы, слѣдуетъ замѣтить, что откупщикъ получалъ право пользоваться землей подъ строеніе избы и сараевъ, лѣсомъ для починки мельницы, сѣнными покосами для выгуса лошадей и нѣкоторыми другими угодьями. По истеченіи урочныхъ лѣтъ онъ обязанъ былъ сдать мельницу „на ходу въ цѣлости со всякими мельничными снастями и заводомъ заново“ (стрн. 270, 278).

Въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ практиковалась переобработка казенныхъ статей¹⁾, которая въ иныхъ случаяхъ могла нарушать интересы арендаторовъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ имѣется въ нашихъ актахъ. Въ 1714 году нѣсколько крестьянъ порядились съ помѣщиками Баранчевыми построить на ихъ землѣ на рѣкѣ Улеймѣ мельницу и обзавести ее, за что получали право владѣть этой мельницей 18 лѣтъ, уплачивая помѣщикамъ оброкъ и въ казну окладные деньги. То и другое они выплачивали исправно, какъ вдругъ въ 1726 году послѣдовалъ указъ о переобработкѣ мельницъ, который и стать усиленно приводиться въ исполненіе земскими комиссарами. Увеличеніе казеннаго оклада противъ рядной записи приносило ущербъ интересамъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ и подалъ въ Углическую контору камерирскаго правленія челобитную (№ 131) о томъ, что бы переобработка ихъ мельницы была отсрочена до истеченія урочныхъ лѣтъ по рядной записи. Отвѣта на данную челобитную у насъ нѣтъ.

Въ видахъ правильнаго поступленія подушной подати велось наблюденіе за передвиженіемъ податного населенія. Въ 1722 г. два человека кашинскихъ посадскихъ Иванъ да Яковъ Ивановы дѣти Ванчаковы переселились изъ Кашина въ Романовъ и были вычеркнуты изъ подушного оклада по Кашину. Узнавъ объ этомъ изъ представленныхъ кашинскимъ бургомистромъ переписныхъ книгъ, канцелярія расположенія полковъ

1) См. П. Н. Милоковъ, назв. сочин., стрн. 712.

Углической провинции запросила в 1725 г. канцелярию расположения полков Пошехонской провинции, явились ли упомянутые капицы в Романов и зачислены ли они там в подушный оклад (№ 128).

Одним из бедствий финансового управления была часто являвшаяся „пустота“ в сборах¹⁾. Строго следили за тем, чтобы заявленная „пустота“ была действительной, а не вымышленной и обманной. Поэтому о „пустоте“ дѣлались специальные розыски, и „пустота“ особо свидетельствовалась (см. № 86). Такую именно засвидетельствованную „пустоту“ имѣли в виду центральные учреждения, когда предписывали представить или же принимали сборы сполна „кроме самой пустоты“ (см. № 90, стр. 134; № 157, стр. 327). Аналогичное специальное свидетельство требовалось в дѣлѣ казенной продажи соли для опредѣленія действительной ея „роструски и утечки“ (см. № 116, стр. 196—197).

В сборы с церковных земель Углическія провинціальныя власти не вступались послѣ повторныхъ указовъ изъ камеръ-коллегии и изъ сената о невмѣнательствѣ (№№ 93 и 94). Общей администраціи приходилось однако по закону принимать нѣкоторое участіе в финансовомъ управленіи церковныхъ земель. Такъ, провинціальная администрація свидетельствовала и выдавала церковнымъ управителямъ переписныя книги и оклады (см. № 102, стр. 153). Остынувъ отъ прежняго рвенія къ непосредственному завѣдыванію казенными сборами съ церковныхъ земель, углическіе администраторы ударялись затѣмъ въ противоположную крайность и не дѣлали того, что требовалось съ нихъ по закону. Такъ, в 1722 году в вотчинахъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря не собирались деньги на городовое строеніе—„за неотдачею отъ свѣцкихъ командировъ, противъ присланнаго къ нимъ изъ Камеръ-Коллегии послушнаго указу, дворовому числу книгъ и окладовъ, и прочихъ принадлежащихъ къ сборамъ вѣдомостей“ (№ 126, стр. 247 и 249).

Собранная в провинціи казна отправлялась в Петербургъ. О нѣкоторыхъ техническихъ сторонахъ доставки казенныхъ сборовъ изъ уѣздовъ в провинціальныя города и пересылки ихъ оттуда в столицу мы уже говорили выше, когда рѣчь у насъ шла о счетчикахъ. Теперь замѣтимъ, что вмѣсто выборныхъ счетчиковъ назначались иногда къ доставкѣ и пересылкѣ казенныхъ сборовъ состоявшіе при провинціальной канцеляріи раз-

сылщики и солдаты. Такъ, в 1723 г. были командированы воеводой для взятія денежной казны отъ соляной продажи в Мологу солдатъ Григорій Калмыковъ и в Капниш разсылщикъ Стенанъ Голосовъ (№ 117, стр. 198—199). Казенные сборы предварительно вносились съ городовъ в провинціальную рентерею и оттуда уже пересылались в Петербургъ, но иногда они отправлялись в Петербургъ прямо изъ городовъ; в такихъ случаяхъ посадскія власти обязаны были предварительно получить изъ провинціальной канцеляріи особую препроводительную бумагу, которая называлась „отпиской“ (№ 117, стр. 199—200). Иногда центральныя учреждения отправляли на мѣста своихъ солдатъ для полученія казны. Такъ, в январѣ 1724 г. присланъ былъ в Углическую провинцію изъ конторы соляного правленія драгунъ Матвѣй Севрюковъ для взятія на другой же день по пріѣздѣ соляного сбора за послѣднюю треть 1723-го года. Это однако оказалось невозможнымъ, такъ какъ сборъ этотъ не успѣлъ еще поступить съ городовъ в Углическую рентерею; воевода немедленно отправилъ за деньгами нарочныхъ в Мологу, Бѣжецкъ и Капниш, о чемъ и увѣдомилъ драгуна Севрюкова особымъ „извѣстіемъ“ (№ 119), в которомъ обѣщалъ выслать указанные сборы в Петербургъ немедленно по полученіи. Драгунъ Севрюковъ взялъ это „извѣстіе“, о чемъ сдѣлана подъячимъ особая пометка (стр. 204).

Центральныя учрежденія настойчиво требуютъ отъ провинціальныхъ присылки денегъ в Петербургъ, ссылаясь на недостатокъ казны в столицѣ. Такъ в августѣ 1722 года штатсъ-конторъ-коллегія требуетъ немедленной высылки наличной в провинціи денежной казны со всѣхъ, кроме канальныхъ, соляныхъ и городской канцеляріи, сборовъ: „а в пути тою казною чтобъ вести денно и ночно съ великимъ поспѣшеніемъ, дабы та казна в Санктъ-Питербурхѣ привезена была немедленно, поспеже отъ невысылки оныхъ денегъ в Адмиралтейскую коллегію платить не чѣмъ“ (№ 136). Относительно высылки соляного сбора 1723 года полнѣе цѣлый дождь указовъ изъ камеръ-коллегии, в которыхъ о нуждѣ в деньгахъ заявляли все болѣе и болѣе краснорѣчиво. 12 іюля 1723 г. писали: „въ расходѣ денежные казны обстоитъ нужда и по имяннымъ Е. И. В. указомъ на нужнѣйшіе расходы не достаетъ многова числа“ (№ 117, стр. 198). 17 декабря 1723 г. ссылались на то, что „въ Санктъ-Питербурхѣ у камисарства Солянаго Правленія за расходы денежные казны малое число, а осеннаціи за рукою Е. И. В. непрестанно сочиняютца“, и требовали, чтобы изъ Москвы при-

¹⁾ См. П. Н. Милоковъ, назв. сочин., стр. 543.

стали изъ соляного сбора сорокъ или пятьдесятъ тысячъ рублей немедленно (№ 118, стр. 201). 30-го декабря 1723 г. жаловались уже на то, что „за неимѣніемъ денегъ въ Санктъ-Петербурхѣ расходы конечно всѣ остановились (№ 118, стр. 202). Въ виду того, что „расходы Е. В. всѣ остановились“, 13 янв. 1724 г. потребовали изъ Москвы присылки изъ соляного сбора отъ семидесяти до ста тысячъ рублей (№ 118, стр. 202). Рядомъ указовъ, послѣдовавшихъ изъ штатсъ-конторы въ Угличскую провинцію въ іюль, августъ и октябрь мѣсяцъ 1724 г., велѣно „что есть палицо (кромѣ подушной подати и специальныхъ сборовъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ) высылать въ Санктъ-Петербурхскую рентерею въ самой скорости и впродѣ, что въ зборѣ будетъ, высылать бесъ продолжительного времени, не дожидаясь впродѣ указовъ, понеже по имениному Е. И. В. указу въ заплатѣ положенного оклада въ Адмиралтейство и въ канцелярію о строееи и въ другіе положенные жъ мѣста о неприсылкѣ денежной казны учинилась весьма остановка“ (№ 140, стр. 298).

Казенные сборы высылались изъ Угличской провинціи кромѣ столицы еще и въ другія мѣста по специальному назначенію на общегосударственныя нужды. Въ 1721 году поручено было тверскому воеводѣ Лобкову подрядить въ Твери провѣянть для С.-Петербургскаго магазина, деньги же на этотъ подрядъ приказано было взять изъ Угличской провинціи. Два указа камеръ-коллегии въ этомъ году (№№ 138 и 139) предписывали Угличскому воеводѣ выслать въ Тверь сборъ провѣянскихъ рублевыхъ денегъ. Такая же пересылка денегъ изъ Углича въ Тверь на покрытіе расходовъ по военному подряду имѣла мѣсто въ 1724 году (№ 140).

Всѣ казенные сборы, кромѣ подушного, который непосредственно передавался мѣстнымъ военнымъ властямъ, направлялись въ центръ. Расходы мѣстные производились уже послѣ общегосударственныхъ. О расходахъ на мѣстныя нужды въ нашихъ актахъ нѣтъ свѣдѣній. Имѣются лишь указанія на производство на мѣстѣ расходовъ на общегосударственныя нужды, причемъ наступало нѣкоторое столкновеніе съ центромъ. Въ 1722 году оказался недостатокъ въ сборахъ на канальное дѣло и городовое строеніе; недостававшія деньги были отданы, по заявленію рентмейстера Сабурова, „въ замѣнъ на покунку масла коровья и мяса свиныхъ“ (№ 124, стр. 224), которыя заготовлялись въ Угличской провинціи для поставки въ Ревель (см. № 143, стр. 305). Въ 1723 г. мѣстная военная канцелярія вѣдомства генераль-майора Волкова по письму полковника Борзово задержала

въ Угличѣ денежную казну, приготовленную въ отпускъ въ С.-Петербургъ. По указу изъ штатсъ-конторы-коллегии отъ 6 сент. 1723 г. (№ 137) приказано было выслать эту казну въ Петербургъ, а на довольствіе воинскимъ частямъ, находящимся на зимнихъ квартирахъ въ Угличской провинціи и проходящимъ черезъ нее, отпускать изъ провѣянскаго рублевого сбора.

Акты седьмого отдѣла знакомятъ насъ съ расквартированіемъ войскъ и связанными съ нимъ повинностями,—постоянной и продовольственной.

Что касается постояннаго расположенія войскъ въ Угличской провинціи на зимнихъ и на вѣчныхъ квартирахъ, то объ этомъ имѣются слѣдующія данныя. Въ 1721 году стояли на зимнихъ квартирахъ: Ярославскій полкъ въ Угличѣ и Пековской въ Бѣжецкѣ (№ 144, стр. 308). Въ 1722 году поставлены на зимнія квартиры полки Нарвскій и Пермскій и по половинѣ шести полковъ, бывшихъ на канальной работѣ, именно: Троицкаго, Галицкаго, Нижегородскаго, Пековского, Тобольскаго, Шлиссельбургскаго (№ 155, стр. 324), причемъ имѣется указаніе, что Шлиссельбургскій баталіонъ стоялъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ (№ 160, стр. 329), а Пековской баталіонъ въ Угличскомъ уѣздѣ (№ 141, стр. 301). Шесть баталіоновъ—Троицкій, Нижегородскій, Галицкій, Пековской, Шлиссельбургскій и Тобольскій,—стояли въ Угличской провинціи въ первой половинѣ 1724 года (№ 145, стр. 309). Указомъ изъ камеръ-коллегии отъ 13 окт. 1724 г. опредѣлены въ Угличскую провинцію на зимнія квартиры шесть только что названныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ и сверхъ того лошади Черниговскаго полка, а также люди и лошади полевой артиллеріи, назначенные специально въ Бѣжецкъ (№ 142)¹⁾.

Различные полки весьма часто проходили чрезъ Угличскую провинцію: ихъ приходилось встрѣчать, сопровождать и довольствовать. Въ 1721 г. проходили чрезъ Угличскую провинцію: Кіевскій пѣхотный полкъ и Первый Гренадерскій, направлявшіеся изъ С.-Петербурга на постоянныя квартиры въ Ярославскую провинцію (№ 149); драгунскій Кроншлотскій полкъ (№ 152); восемь драгунскихъ полковъ, возвращавшіеся съ канальной работы (№ 153). Въ 1722 году проходили чрезъ Угличскую провинцію полки: Капенгаузиновъ, Смоленскій, Ростовскій, Невскій, С.-Пе-

¹⁾ Срвн. *М. М. Богословскій*, назв. сочин., стр. 368, гдѣ указано, что въ Угличскую провинцію назначены были для расположенія и расквартированія три полка: Тобольскій пѣхотный полкъ въ Кашинѣ, Невскій драгунскій въ Угличѣ и Черниговскій пѣхотный въ Бѣжецкѣ.

тербургскій, Нарвскій, Пермскій, Первый и Второй Гренадерскіе, Московскій, Троицкій (№ 154).

Отдѣльно отъ воинскихъ частей ставили иногда лошадей съ одними лишь егонщиками и прислугой. Въ 1719 году были поставлены въ Бѣжецкомъ Верхѣ подъемныя и офицерскія лошади Ингерманландскаго пѣхотнаго полка, выведеннаго изъ Финляндіи и расположеннаго въ Исковѣ (№ 147). Въ 1722 году подъемныя и офицерскія лошади того же Ингерманландскаго полка были выведены изъ Новгородской провинціи, освобожденной на годъ отъ постоя „для пожарнаго случая“, и направлены въ Ярославскую провинцію; по пути они получили въ Угличѣ фуражъ на пять дней (№ 151). Въ 1721 г. поставили въ Бѣжецкомъ Верхѣ тысячу лошадей, необходимыхъ для выливанія воды изъ канала (№ 158); въ ихъ число направлено было туда же еще 147 артиллерійскихъ лошадей (№ 159). Артиллерійскія лошади стояли въ Бѣжецкѣ въ 1724 году (№№ 142 и 164).

Что касается связанной съ расквартированіемъ войскъ постоянной повинности населенія, то ее распредѣляли по дворамъ и старались разверстывать между всѣми уѣздными людьми поровну, „чтобы въ томъ другой передъ другимъ обременъ не былъ и были бы все въ равенствѣ“ (№ 141, стр. 301). Особенное вниманіе обращали на уравниваніе въ отбываніи постоянной повинности помѣщичьихъ и церковныхъ земель; по поводу правильной разверстки постоя между ними отправлялись одновременно указы и земскимъ комиссарамъ и управителямъ синодальной команды (№ 141, стр. 301—302). Въ случаѣ неравномѣрности и чрезмерно долгаго постоя какой-либо части въ одной вотчинѣ дѣлались особыя предписанія о переводѣ этой части въ другія вотчины, гдѣ еще не стояли, чтобы постоя распредѣлялся равномерно, „не обходя никого“ (см. № 161). При распредѣленіи постоя обращали также вниманіе на потребности самихъ воинскихъ частей и предписывали комиссарамъ ставить роты по возможности поближе къ городу, гдѣ находились полковой или баталіонный штабъ и провьянтскій магазинъ (№№ 155 и 160).

Довольствованіе полковъ, находящихся на постоянныхъ квартирахъ въ провинціи, производилось двоякимъ образомъ: или путемъ непосредственнаго сбора провьянта и фуража съ населенія (№ 155) или же путемъ заготовки его подряднымъ способомъ на счетъ денежныхъ сборовъ съ мѣстнаго же населенія (№ 145). Провьянтъ и фуражъ собирался со всѣхъ видовъ уѣздныхъ людей натурою по раскладкѣ съ двороваго числа, а съ купечества деньгами съ оклада десятой деньги съ рубля. При

сборѣ натурою провьянтъ и фуражъ предписано было принимать въсомъ, а не мѣрою, „для того въ мѣрѣ по расположенію малое дробное число, котораго дробнаго числа уѣздные люди и познать не могутъ, а о всеу всякой можетъ быть извѣстенъ“ (стр. 324). Для сбора провьянта и фуража выбирались къ полкамъ комиссары изъ подчиненныхъ тѣхъ долей, гдѣ были полки расположены (№ 144, стр. 308; № 155, стр. 324 и 325). По поводу сбора съ крестьянъ церковныхъ и дворцовыхъ земель, а также съ посадскаго населенія камеръ-коллегія специально вступала въ сношенія съ синодомъ, дворцовой канцеляріей и магистратомъ (№ 155, стр. 326; см. № 141, стр. 301 и № 153, стр. 322). Собранный провьянтъ и фуражъ сосредоточивался въ городахъ, гдѣ и выдавался войскамъ; для частей же, расположенныхъ болѣе, чѣмъ за 50 верстъ отъ города, учреждались особые станы, откуда имъ отпускалось довольствіе (стр. 324). Если непосредственный сборъ замѣнялся подряднымъ способомъ заготовки, то это предписывалось дѣлать „усматривая лучшаго способа“ съ публичныхъ торговъ и со всякимъ стараніемъ „дабы приутовленіемъ не упустить удобнаго времени“ (№ 145, стр. 310).

Отпускъ провьянта и фуража вѣдали комиссары. Выдавали они по росписямъ, составленнымъ командирами частей, исключительно на наличное количество людей и лошадей (№ 155, стр. 324—325). Поэтому лошади генералитета и офицеровъ, командированныхъ въ губерніи и провинціи для свидѣтельства душъ и расположенія полковъ, исключались изъ довольствія въ мѣстахъ расквартированія ихъ частей (№ 155, стр. 325); такія же исключенія дѣлались въ случаѣ откомандированія офицеровъ отъ ихъ частей къ какимъ либо инымъ должностямъ (№ 156, стр. 327); точно также исключались изъ полкового довольствія драгуны, „которые стоятъ на почтѣ“, такъ какъ они довольствовались по мѣсту ихъ стоянки (№ 144, стр. 309).

Комиссарамъ предписывали строго слѣдить за доброкачествомъ выдаваемого провьянта и фуража, чтобы провьянтъ отпускался „самой доброй и чистой и безъ подмѣсу и въ тѣло годной“ (№ 160, стр. 330). Съ командировъ воинскихъ частей требовали, чтобы „излишнихъ и не состоящихъ при полкахъ людей и лошадей подъ страхомъ штрафа по военному артикулу писать не дерзали“ (№ 155, стр. 325). Все выдачи заносились въ особыя книги (№ 155, стр. 324—325); воинскія части съ своей стороны выдавали росписки и „квиты“ въ пользованіи постоемъ и довольствіемъ (№ 141, стр. 302; № 161, стр. 331—332).

Довольствованіе проходящихъ полковъ производилось на тѣхъ же началахъ либо изъ палочнаго запаса провьянскихъ магазиновъ, либо путемъ сбора съ населенія натурою, если запаса въ магазинахъ не оказывалось (№ 149, стрн. 319; № 151, стрн. 321; № 153, стрн. 322; № 154, стрн. 323; № 148, стрн. 317—318). Для отпуска имъ провьянта и фуража иногда присылали нарочныхъ комиссаровъ изъ камеръ-коллегіи (№ 148, стрн. 318), большею же частью выбирали изъ мѣстныхъ подчиненныхъ комиссаровъ (№ 154, стрн. 323; № 152, стрн. 321; № 153, стрн. 322). Комиссары обязаны были встрѣчать воинскія части, провожать ихъ отъ комиссарства до комиссарства, доставлять имъ въ случаѣ надобности подводы, а также слѣдить за тѣмъ, чтобы „вишней продажи и протчего корчемства, и подъ защищеніемъ ихъ (проходящихъ полковъ) въ провозахъ товаровъ для утайки пошлинъ не было (см. нпр. №№ 153 и 154). Для отпуска провьянта и фуража проходящимъ полкамъ заблаговременно росписывались и учреждались особые станы (№№ 153 и 154).

На тѣхъ же началахъ довольствовались и лошади, поставленные отдѣльно отъ ихъ частей. Къ лошадямъ также выбирали комиссаровъ (№ 148, стрн. 318; № 158, стрн. 328).

Комиссары обычно завѣдывали отпускомъ провьянта и фуража. Въ 1719 г. имѣлъ однако мѣсто случай, когда фуражъ раздавалъ просто „дворянинъ Андрей Корякинъ“ (№ 147, стрн. 314). Въ 1720 г. доставлялъ подводы для подвоза фуража изъ Кашина въ Бѣжецкій Верхъ становой управитель Гороцкаго стану Иванъ Бакастовъ (№ 147, стрн. 315—317; срвн. № 133, стрн. 286) ¹⁾.

Довольствованіе какъ постоянныхъ, такъ и проходящихъ воинскихъ частей производилось собственными силами и средствами провинціи. Изъ этого общаго правила допускались изъятія, когда цѣлая провинція или отдѣльная ея часть оказывали содѣйствіе въ продовольственномъ дѣлѣ другой провинціи. Въ 1721 году Пошехонская провинція высылала провьянтъ и фуражъ въ Угличскую (№ 144). Кашинъ былъ приписанъ виштеръ-квартиранъ къ Новгородской и Тверской провинціямъ (№ 146, стрн. 313): въ 1721 году провьянтъ и фуражъ отпускался изъ Кашина въ Новгородскую провинцію (№ 157).

Намъ приходилось упоминать о провьянскихъ магазинахъ. Магазины эти, называвшіеся „запасными“ (№ 146, стрн. 312), находились въ нѣсколькихъ городахъ Угличской провинціи (см.

№ 155, стрн. 324): въ Угличѣ (№ 162), въ Кашинѣ (№ 145, стрн. 311), въ Бѣжецкѣ (№ 160, стрн. 329). О сборѣ запаснаго провьянта и фуража издавались особые указы (см., нпр., № 146). Кромѣ городскихъ магазиновъ были еще отдѣльные магазины въ вотчинахъ и находились они въ завѣдываніи цѣловальниковъ. Комиссару Угличскаго уѣзда Сунопеву приказано было воеводой въ 1724 г. выдать уѣзднымъ людямъ изъ вотчинныхъ магазиновъ фуражъ взаймы (№ 163).

Воинскія части чинили мѣстному населенію разнаго рода обиды. Въ 1724 г. предписано было произвести разслѣдованіе относительно обидъ, причиненныхъ населенію стогниками и прислугой, состоявшими при артиллерійскихъ лошадяхъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ (№ 164). Въ видѣ общаго правила на обиды со стороны военныхъ слѣдовало жаловаться воеводѣ, который представлялъ о нихъ командирамъ частей; если же командиры не дѣлали резолюцій и не давали удовлетворенія, то надлежало направлять жалобу въ камеръ-коллегію (№ 155, стрн. 325).

Казенные подряды и поставки имѣли главной своею цѣлью военныя надобности. Въ предыдущемъ отдѣлѣ помѣщена копія реестра, въ которыхъ губерніяхъ вице-губернаторамъ и камерирамъ и въ провинціяхъ воеводамъ и камерирамъ же велѣно къ кампаніи 1721 года купить и подрядить морского провьянта и припасовъ, и по отношеніямъ ихъ сколько оныхъ припасовъ куплено и подряжено (№ 143). Изъ приведеннаго реестра видно, какое участіе въ дѣлѣ казенныхъ подрядовъ и поставокъ въ кампанію 1721 г. выпало на долю Углической провинціи. Въ восьмомъ отдѣлѣ помѣщены дѣла, которыя знакомятъ насъ съ порядкомъ сдачи подрядовъ.

Въ 1718 году подрядчикъ Евсеій Винокуровъ заключилъ сдѣлку съ тремя угличанами о покупкѣ у нихъ холста для принятаго имъ подряда и выдалъ имъ задатку по 100 руб. каждому. Затѣмъ онъ закупленнаго у нихъ холста не взялъ на томъ основаніи, что холстъ этотъ будто бы былъ застрахованъ бывшимъ съ нимъ для приѣма поручикомъ Ростовскаго полка Крюковымъ. По жалобѣ продавцовъ ландратъ призналъ отказъ Винокурова неправильнымъ и присудилъ, чтобы онъ холстъ у продавцовъ взять и деньги имъ снода уплатить. Но Винокуровъ всего этого не исполнилъ, купилъ холстъ въ другомъ мѣстѣ и сдать его по подряду въ адмиралтейство полностью. Послѣ этого онъ потребовалъ возвращенія даннаго имъ угличанамъ задатка. По приговору ландрата Нарышкина задатокъ быть ему возвращенъ, но за удержаніемъ пошлинъ на руки досталось Винокурову изъ

¹⁾ Срвн. Я. О. Кузнецовъ, назв. сочин., стрн. 25—26.

трехсотъ рублей всего двадцать. Тогда Винокуровъ началъ новое дѣло о возвращеніи выданнаго задатка и искалъ его уже не только съ угличанъ, но и съ поручика Крюкова. Это дѣло велось уже у воеводы Бутурлина и закончилось справками изъ ландратскихъ дѣлъ, удостовѣрившими, что Винокурову выдано все, что ему причиталось (№ 165). Дѣло велось у ландрата нековымъ порядкомъ и потому можетъ до известной степени служить образчикомъ ландратскаго судопроизводства. Въ дѣлѣ имѣются указанія на пріемъ и браковку холста, освидѣтельство-ваніе его выборными посадскими властями и т. п. Не лишены интереса тѣ основанія, по которымъ ландратъ Нарышкинъ присудилъ Винокурову возвратъ задатка. Въ своемъ челобитѣ Винокуровъ ничего не говорилъ о недостаткахъ угличскаго холста, а ссылаясь лишь на то, что въ виду исполненія подряда, „оной де покушной у нихъ товаръ сталъ быть у него за отдачею въ остаткахъ“, и просилъ „задаточные деньги у оныхъ продавцовъ 300 рублей взять въ Углицкую канцелярію, а въ покункѣ ему иного товару отказать, и отъ того товару печати ему своей снять и уволить ихъ продавцовъ въ томъ покушномъ товарѣ впредь продавать кому они похотятъ, а вышеписанные задаточные деньги 300 рублей, чтобъ ему отдать съ роспискою, а надлежащія пошлины заплатить де онъ Евсвей Винокуровъ“ (№ 165, стр. 354). Ландратъ Нарышкинъ призналъ основательность челобиты Винокурова и присудилъ; „онѣ печати снять и онѣ холсты отдать онымъ продавцомъ съ роспискою для свободной имъ продажи, и оному Винокурову въ той продажѣ велѣно отказать, а деньги 300 рублей принять въ канцелярію, и изъ оныхъ денегъ взять надлежащія пошлины, а достальныя отдать оному Евсвею съ роспискою“ (№ 165, стр. 354). И въ челобитѣ, и въ приговорѣ признается достаточнымъ основаніемъ для расторженія договора купли-продажи то, что самый предметъ ся оказался болѣе не нужнымъ для казеннаго подряда; мало того, съ продавцовъ взыскивается обратно полученный ими задатокъ. И такой приговоръ постановляетъ тотъ же ландратъ Нарышкинъ, который годъ тому назадъ призналъ отказъ подрядчика совершенно неправильнымъ. Остается объяснить это лишь точкой зрѣнія казеннаго интереса. Подрядъ исполненъ неправильно, и казенный интересъ удовлетворенъ. Въ виду этого можно освободить подрядчика отъ обязательствъ, не нужныхъ болѣе для казны; мало того, можно и наградить исправнаго подрядчика возвращеніемъ ему задатка. Объ интересахъ продавцовъ нѣтъ даже рѣчи: расторженіе договора въ ущербъ имъ разсматривается ландра-

томъ какъ какая то льгота для нихъ же: холсты отдаются имъ для свободной продажи.

Въ 1725 году сдвигался подрядъ на поставку коровьяго масла въ Ревель. Дѣло объ этомъ (№ 166) содержитъ въ себѣ все производство по публичнымъ торгамъ, сдачѣ подряда лицу, удержавшемуся на торгахъ, выдачѣ ему денегъ, пріемъ и от-правкѣ въ Ревель заготовленнаго имъ коровьяго масла.

При той поспѣшности, съ которой подъ вліяніемъ военныхъ нуждъ одно приказаніе шло изъ центра велѣдъ за другимъ, выходили иногда весьма крупныя недоразумѣнія. Такъ было именно съ упомянутымъ подрядомъ коровьяго масла въ 1725 г. Когда подрядъ былъ исполненъ и деньги уплачены, вдругъ пришелъ указъ изъ камеръ-коллегіи (№ 166, стр. 379—380), который извѣщалъ, что по наряду 1725 г. приказано убавить морскихъ провѣяптовъ на одну треть, и потому коровьяго масла въ Угличской провинціи заготовлять не нужно. Но было уже поздно, и воевода могъ только донести въ камеръ-коллегію (№ 166, стр. 380—382), что подрядъ исполненъ, и масло отправлено въ Ревель, и спросить, получено ли оно въ Ревельскомъ адмиралтействѣ и высланы ли оттуда квитанціи въ камеръ-коллегію. Подобнымъ же образъ оказалось еще ранѣе, въ 1722 году, не-пужнымъ свиное мясо, заготовленное въ Бѣжецкѣ; по указу изъ камеръ-коллегіи (№ 167) приказано было это мясо продать по цѣнѣ, не ниже покушной, а если это окажется невозможнымъ, „то оное мясо хранить до указа въ удобныхъ мѣстѣхъ“.

Надежность лицъ, приступавшихъ къ подрядамъ, обезпечивалась требуемыми по закону поруками. Но иногда сами эти лица не полагались на законныя гарантіи и заручались частными рекомендаціями сильныхъ міра сего. Въ нашихъ актахъ приведены два частныхъ письма тверскаго воеводы Лобкова угличскому воеводѣ Бутурлину отъ 1726 года (№ 168), въ которыхъ Лобковъ рекомендуетъ Бутурлину подрядчика Алексея Блохина изъ тверитянъ и его поручителей.

Провинціи номинально входили въ составъ губерній, но на самомъ дѣлѣ онѣ образовали самостоятельныя административно-территоріальныя единицы, которыя не подчинялись губернскому начальству и дѣйствовали на ряду съ губерніями. Такъ и Угличская провинція, хотя и числилась въ С.-Петербургской губерніи, но сносилась съ центральными властями — коллегіями прямо, минуя губернское начальство¹⁾. Въ собранныхъ актахъ встрѣ-

¹⁾ „Для того“, читаемъ въ одномъ указѣ 1720 г., „по Е. В. І. имянному указу Санктъ-Петербургскаго губернія Іюля съ 1 числа прошлаго 719 году прав-

чаемъ всего лишь одинъ указъ, присланный въ Угличскую провинцію изъ С.-Петербургской губенской канцеляріи (№ 165, стр. 354),—въ этотъ указъ губернская канцелярія передавала лишь распоряженіе адмиралтейства.

Ф. Тараховскій.

Того же автора:

Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава. 1897.

Интересъ и нравственный долгъ въ правѣ. Варшава. 1899.

Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка. Варшава. 1902.

Феодализмъ въ Россіи. Критическій очеркъ. Варшава. 1902.

Политическая доктрина въ Наказѣ императрицы Екатерины II. Кіевъ 1903.

Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи. Историко-методологическое изслѣдованіе. Варшава. 1904.

Лейбницъ и т. н. внѣшняя исторія права. СПБ. 1906.

Leibniz und die sogenannte äussere Rechtsgeschichte. Weimar. 1906.
